

Екатерина Лоринова

Хроники
Никариса

Темное солнце
в её руках

16+

Екатерина Лоринова
Темное солнце в её руках

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Лоринова Е.

Темное солнце в её руках / Е. Лоринова — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

ISBN 978-5-532-03520-1

Он жил спокойной жизнью эльфийского принца. Как и все, поклонялся Солнцу и не знал, что с младенчества носит иллюзию. Он пил лекарство и не подозревал, что это – кровь. Его семья, повинная в проклятии, всеми силами хранила тайну от него самого. Возможно, он бы никогда не понял, кем является. Но... Она видела страшные сны и не знала, что они пророческие. Она – дочь егеря, в дом которого он однажды постучался.

ISBN 978-5-532-03520-1

© Лоринова Е., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1. Милорада, или Лесная ведьма	5
Глава 2. Ленсар, или Занесенные	9
Глава 3. Милорада, или Его глаза	13
Глава 4. Ленсар, или Незваные гости	16
Глава 5. Милорада, или Снежные призраки	20
Глава 6. Ленсар, или Большие лопухи	24
Глава 7. Милорада, или Горячие пирожки	27
Глава 8. Ленсар	30
Глава 9. Милорада	34
Глава 10. Ленсар	39
Глава 11. Милорада	43
Глава 12. Ленсар	48
Глава 13. Милорада	53
Глава 14. Ленсар	58
Глава 15. Милорада	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Глава 1. Милорада, или Лесная ведьма

Империя Снартари, провинция Алидар. 850 год Седьмой Эпохи (спустя 30 лет после событий «Ядовитых уз» и 25 – «Сердца терновника»)

Я всегда по-детски боялась, когда отец уходил в обход. Тогда ночь за решетчатыми окнами казалась темнее, вечнозеленые великаны – еще выше, а дальний волчий зов в пустом сумраке множился эхом и просачивался даже сквозь законопаченные мхом бревна. Я, как пятнадцать лет назад, пряталась в своей комнатушке, предварительно заперев ее на щеколду и подперев дверь стулом, накрывалась стеганным одеялом с головой и читала молитвы Солнцу – редкому гостю в наших землях. Порой не верилось, что мы живем в «солнечной» империи Снартари, в самом благословенном крае Ниариса, как любят слагать бродячие сказители... которые тоже редко добираются до нашей провинции по сугробам. Что поделать – граница. Слава Солнцу, мирная – ни стычек с лунными эльфами, ни с фаргонским княжеством, даже встречи с гибридными тварями, выведенными лунными, в последнее время стали редкостью. Очень подозреваю, что все потенциальные враги попросту боятся отморозить стратегически важные части тела. Так говорит батюшка, когда плеснет в горло самогона, и я с ним согласна.

До ближайшей деревни от дома егеря – нашего дома – пять лиг. Как же я завидовала деревенским! Когда рядом сосед, не так страшно ждать рассвета. Когда на главной площади всегда горит костер в три человеческих роста, и его отблески видны на окраине.

А здесь тьма, которую не могут разогнать холодные звезды. Едва смеркается, ночь подползает к самому окну, приникает к нему носом, и лучше не смотреть ей в глаза.

На своих скио¹ отец будет исчерчивать снег кругами до рассвета. Обычно он уходит днем, но раз в декаду проверяет на действенность ярмарочные амулеты, не могу сказать иначе. Вот зачем?

Одеяло почти не греет, слова молитвы путаются. Хорошо, что не слышат наставники из деревенской школы, куда я хожу, едва летом сойдет снег.

Отец не раз советовал выпить отвар кошачьего ладана² и спокойно заснуть, но дело в том, что своих снов я боялась не меньше ночных тварей. С некоторых пор.

С завидной регулярностью мне снилось одно и то же лицо – высокие скульптурные скулы, четко очерченный подбородок, светлые волосы. Не такие, как мои, чуть темнее, цвета спелой пшеницы, и изумрудные глаза с какими-то нереальными золотистыми вкрапинками. Как колдовские светляки, пойдя за которыми, непременно угодишь в топь.

В снах незнакомец, закутанный в зимний плащ, протягивал руку, я ее принимала, а потом... Глаза наливались кровью, как у быка, виденного мной однажды на ярмарочных боях, верхняя губа подергивалась, и начиналась незнакомая магия, сродни запрещенной приворотной, потому что я не могла отвести глаз и рассмотреть, что не так с его красными губами, с этими прекрасно очерченными губами. После первого испуга я уже без опаски погружалась в вязкие глубины карминовых оттенков, плыла в них, раскинув руки и ожидая чего-то неизведанно приятного и почему-то запретного. Из дурмана традиционно возвращала резкая боль, будто мне ни много, ни мало откусили голову, а потом весь день потягивало и постреливало в шее.

Чур меня, чур! Меньше таких мыслей, Мила, больше молитв, и, глядишь не придет сегодня кошмар.

¹ Название местных лыж

² Валерианы

Пойти бы и обновить солнечные знаки на стенах, совсем стерлись от времени. Едва угадывается круг и солнцеворот со снартарийскими рунами. Именно такими ночами казалось, что защита окончательно падет, развеется... и все кошмары станут явью.

В темноте под одеялом блеснули два янтарных глаза.

– Царапка, это ты? – несмело протянула руку к кошке и с облегчением ощутила теплую шерсть.

И в тот же миг... меня будто резко окунули головой в новый сон – сквозь мои пальцы проходит дорогой мех чужого, искусно выделанного плаща, что висит... в нашем предбаннике. Контраст такой, как если бы бриллианты положили к плетеное лукошко. Рядом еще один зимний плащ, с чуть иной выделкой, а под лавкой – дорожный мешок. Я отдергиваю руку, еще не застигнутая за неподобающим любопытством, но почти – отец спускается по скрипучей лестнице. Не один.

Фух. Под рукой снова свернулась Царапка, тихонько перебралась на колени. А мне захотелось пить. Никогда еще у меня не было снов наяву. Рассказать бы отцу, да боязно – еще посчитает, что меня нужно лечить молитвами, и отправит к жрицам в монастырь.

Постойте-ка. Отцу – нельзя, но есть тот, кому можно.

Невыспавшаяся, разбитая, как старая колода для рубки дров, я поднялась с первыми рассветными лучами – сказывалась привычка. Хоть живность у нас не водилась – дичь мы с отцом добывали на охоте, за домом находилась теплица из гномьего небьющегося стекла, и за ней требовался уход. Но сейчас я пошла за «урожаем». Отметив с десятков мелких следов на свежем снегу, зашла вовнутрь и устремилась к жухлому кустику в самом дальнем углу. С трудом отыскала плоды, завернула в платок – старая Лейра должна принять подношение. Это только выглядят ягоды непрезентабельно, и на вкус горчат, но из них получается отличное лекарство от кашля и хандры.

Батюшка пропажи не заметит, теплицы исключительно в моем ведении. Главное, успеть вернуться до его прибытия.

Лейра жила, как и мы, отшельницей. В канун зимнего праздника проводов Солнца вся деревня бегала к ней гадать, и я вместе со всеми. Почтенная женщина была смуглой – поговаривали, в ее жилах текла кровь наших соседей-истайров, лунных эльфов, и она применяла их шаманство. Так это или нет, неизвестно, но Лейра по праву считалась ведающей матерью, или попросту ведьмой. Даже если ее магия не наша... какая разница? Если кто-то и мог мне подсказать советом, то только она.

Я накинула овчинную шубу, проверила, что ключи крепко висят на поясе, а арбалет за спиной, всунула носы сапог в скио и выскользнула за калитку. За пазухой лежали драгоценные ягоды.

Бояться было нечего – с наступлением рассвета крупные хищники уже спали в своих логовах, а мелкие напасть не осмелятся. Хуже, что видимость была ниже среднего, и крупными хлопьями лениво шел снег. Есть вероятность, что проложенную колею заметет. Нет, не заметет, если я быстро.

Как дитя леса, единожды побывав в любом его месте, я могла легко найти дорогу. Для меня не существовало одинаковых деревьев или похожих рисунков на коре. И все же путь до ведьмы занял время. Несмотря на мороз, со лба стекала дорожка пота.

Наш дом – добротный сосновый сруб, двухэтажный, а жилище Лейры больше напоминало землянку. Незнающий прошел бы мимо занесенной крыши, приняв ту за сугроб.

А если старухи нет дома? Если она не захочет меня принять?

Я приложила перчатку к деревянной двери. Откуда вдруг такая нерешительность?

Но тут, как и ночью, меня накрыло видением – закутанная, тонкая, как тростник, ведьма приветливо улыбается. Я постучала.

Лейра открыла спустя минуту – в той самой шали, что показало видение. Я должна со всем этим разобраться!

Склонила голову в положенном поклоне.

– Матушка...

– Проходи, внучка, я тебя ждала.

В «землянке» не горел огонь, но было тепло и по-летнему пахло травами.

Я скинула скию и вертикально прислонила к стене.

– Вы... ждали меня?

– Мой дар не столь силен, как твой, но боги показали, что ты придешь.

Старуха и правда говорила с каким-то незнакомым акцентом, а я к тому же не разобрала половину слов. Иначе почему мне почудилось слово «дар»?

Видя, что мне не по себе, Лейра взглядом указала на ковер.

– Присядь, – и сама устроилась рядом, подобрав юбки – или это были очень широкие штаны, не разобрать, – для начала скажи, что заставило тебя проделать путь до моего скромного жилища?

– Ой, – я достала забытые ягоды и протянула ведьме, – возьмите, в знак моего к Вам почтения, – я надеялась на Вашу помощь...

– Тебе снятся сны, – Лейра приняла ягоды, – а в последнее время они случаются и наяву. Тебя это пугает.

– Вы... Вы... знаете.

С одной стороны, хорошо – меньше объяснять, а с другой – трепет перед лесной ведьмой только усилился.

– Не бойся. Мы обе – невольные собирательницы божественной истины, – она придвинула к коленям низкую каменную чашу с широкими бортами, в ней блестела вода, – по всему Ниарису нас много. Но та, что может стать новой Верховной жрицей – всего одна. Твой дар это позволит, но счастья не принесет.

Сказала, как отрубилась, в том время как я ничего не поняла – только то, что влипла.

Из школьных уроков помнила, что на данный момент при дворе Верховной жрицы нет. Ее предшественница ушла на серебряные поля лет тридцать назад, а новую до сих пор не избрали. И тут – я – и верховная? Я – в далеком столичном храме, до самой смерти связанная обязанностями и долгом? Да это не дар, а проклятие.

Ведьма, глядя на меня, понимающе улыбалась.

– Боги определяют, девочка, но мы сами делаем решающий шаг. Не хочешь в храм, не станешь жрицей. Никому не говори о своих видениях.

– Так они... все...

– Правда.

– То есть то, что я видела, непременно случится? – внутри похолодело.

– С большой долей вероятности, – ведьма кивнула, – но кто запретит тебе использовать свой дар, чтобы избежать беды? Все в твоих руках, – и внезапно, – хочешь, погадаю?

Заторможенно кивнула, а женщина уже высыпала в воду мелкие, как тыквенные семечки, гладко обтесанные деревянные ромбики с насечками. Незнакомые знаки, стайринские?³

После она мешала, что-то шептала, подносила черпак к губам, словно снимала пробу, и снова шептала на непонятном языке. Наконец зачерпнула не глядя – в прозрачной воде плавали три дощечки.

– Вот, – торжественно продемонстрировала она первую, будто я понимала, что означает эта руна, – два златошерстных кота.

Котов я люблю. Но в каком уголке света водятся коты с золотой шерстью?!

³ Стайрин – язык истайров, лунных эльфов

– Мышь, – вторая дощечка, бледные губы предсказательницы стали тоньше, и наконец третья, – Игра.

– Боюсь, я ничего не понимаю.

Не знаю, как она гадала деревенским девчонкам, я тогда так и не осмелилась зайти, но если так же, то искать им женихов до самой старости.

– Скоро поймешь. Берегись златошерстных котов, не стань для них мышью.

Глава 2. Ленсар, или Занесенные

То ли маг, то ли просто дурак⁴

– Ну вот, братишка, мы оторвались от свиты.

Гас отблеск третьего телепортационного кристалла, и в его свете торжествующе светилось лицо наследного принца империи Снартари. Моего старшего брата. Фела—младшего, то есть Феликса Тринадцатого. Гордости династии, светоча снарров – солнечных эльфов, не просто носителя императорской крови, но еще и мага – редчайшее сочетание. Под руководством магистра столичного ковена брат учился подчинять стихии и когда-нибудь обещал стать героем, какого не видел свет. Это я себя так утешаю, если что, потому что мой брат – самое проблемное создание на земле Ниариса. И сейчас он решил сбежать прямо с охоты в честь ридгийских послов.

– Ваша Светлость! Ваша Светлость! – полыхнул еще один кристалл, и теперь торжествовал я – нас все-таки нашли. Зря братишка недооценивал отцовскую охрану. Не тех металлических големов, что украшают церемониальные залы и ниши в переходах, а боевых магов, таких же стихийников.

– Ну нет, мы от них уйдем! – лицо, столь похожее на мое, напряглось, а в синих глазах – наследии матери – блеснул опасный огонек.

– Не смей! – то, что он задумал, я понял слишком поздно, но с пальцев брата уже сорвались потоки, подхватывающие поземку и срывающие снежные шапки с елей. Одновременно с творением заклятия на землю упал четвертый кристалл – мы снова перенеслись в пространстве.

– Сквозь стихию они нас не отследят, – Фел бульдогом вцепился в мой локоть, – ну вот, можно расслабиться.

И почему я тоже не маг? Иначе бы не допустил очередного безумства своего старшего близнеца... и очередной ошибки.

У ладоней Фела до сих пор клубился холодный пар. То, что выглядело, как холодный пар.

Братец проследил за моим взглядом и заметно занервничал, хотя и старался этого не показать.

– Сейчас... сейчас! Сбросить потоки... заземление... сбросить потоки...

Но потоки только усиливались, вокруг нас уже бушевала небольшая буря, оставляя крошечное пространство вакуума.

Спросите, почему я пошел на поводу Феликса и вообще составил ему компанию? Да потому что он мой брат! Какой-никакой, но брат. И дело не в том, что с наследным принцем не спорят – я-то как раз был одним из немногих, кому это сходило с рук, но бросить его на произвол судьбы? И что, что маг. Недоучка. «...То ли маг, то ли просто дурак. Всем наперекор кручу—винчу. Штаны с дырой, но пьян игрой...»⁵ Как же это про него! Тысячу раз правы опальные менестрели Лоренсий и Валенсий, распеваящие фривольные куплеты.

– Сбросить заземление... тьфу! Потоки! Дедовы портянки!

Теперь братец был бел, как вызванная им метель.

– Успокойся, – я знал, что есть шанс все обернуть вспять. Надо только помочь ему вернуть контроль. Но, видимо, не в этот раз.

«Сверни небосвод

День набекрень

⁴ Песня Ольга Арефьева «Борода»

⁵ Песня Ольги Арефьевой «Борода»

Надень...»⁶

Небо стремительно падало, и я в последний момент накрыл брата своим телом.

Буря уничтожила все телепортационные кристаллы, но мы, по крайней мере, были живы. Снартарийская живучесть уберегла от холодной смерти в сугробе, простой смертный уже топтал бы серебряные поля, а мы щеголяли фиолетовыми носами и отчаянно чихали, но... были живы.

Красавцы. Дофин империи чихнул в последний раз и снова отключился – маг, что б его! Еле успел подхватить на руки. И куда теперь идти? Где мы, к гхарам лесным, находимся? Не удивлюсь, если идем напрямиком в их гостеприимные объятия. Если их, конечно, не засыпало.

Следопытом я был неплохим, не зря отец брал нас с Фелом на охоту с пяти лет. По следам вышел на водопойную тропу, а скоро заметил и характерные росчерки скио. Слава Солнцу! Можно будет попроситься на постой, пока брату не станет лучше, и попытаться связаться с отцом.

Легче сказать, чем сделать. Следы неведомого ходака стремительно заметало. Глазные яблоки Фела под прикрытыми веками вращались с пугающей скоростью – и с такой же закручивалась стихия. Если не ускориться и не найти жилище, дофином провозгласят нашего пока еще нерожденного родственника.

Ну, Фел! Ну я ему всыплю, как только очнется! Никакая магия не поможет. Один плюс выкрутасов братца – неплохие идеи и свежие впечатления для моего нового романа. По секрету, братик даже послужил одним из прототипов. На сходке благородных шелкоперов – это от «щёлкать пером», если что – его назвали образцом правдоподобности. И не потому, что я второй принц империи – на встречи хожу под иллюзией и публиковаться планирую под псевдонимом. Просто Феля – это такой Феля...

Я впервые задумался, насколько большой в нем потенциал. Если сила не уймется, то какой север империи – весь Ниарис может накрыть вечной зимой. Надежда Снартари станет ее гибелью. Пафосно и уже невесело.

Можно сказать, что последние несколько лиг я шел по наитию, но нет, все проще – переставлял ноги в том направлении, куда дует ветер. Сопротивляться его потоку стало сложнее, чем самому забористому течению Риставии⁷ в хрустальных горах.

А еще тащить на себе шесть футов мужской красоты с соответствующей массой. Все-таки я его прибью!

– Эй, ты! – кажется, не слышалось. Давненько ко мне так не обращались, даже на анонимных сходках, – да, ты, путник! Тащи сюда раненого!

Если бы не связная речь, я бы принял эту громадину серого меха за легендарного снежного человека. А гхар с ним, если бы среди этой бури предложил руку помощи сам король ночи из гномьих сказок, я бы тоже не отказался.

Стараясь не упустить здоровяка из виду, я ускорил шаг. А незнакомец действительно был великаном, даже по меркам немаленьких снарров. Выше меня как минимум на две головы и раза в три шире. Не удивлюсь, если это представитель доселе неведомой расы. Надеюсь, он зовет нас за собой не для того, чтобы схарчить. Если что, буду отбиваться Фелом, как дубиной.

Ну не доверяю я людям, что поделают. Как-то этому не поспособствовали многочисленные покушения – подавленные в зародыше, но я о них все равно узнавал, несмотря на попытки отца все скрыть. Чувствую, после этого случая (если выживем) у нас с братом будет по такому же голему, как у матери – когда-то отец не пожалел денег и магических ресурсов для создания

⁶ Песня Ольги Арсфьевой «Борода»

⁷ Река, на которой стоит столица

универсального, неотличимого от человека, а главное, верного слуги. Все бы хорошо, только верен он в первую очередь отцу, а значит, о свободе придется забыть.

Эх, сначала бы выжить!

Сражаясь с потоками воздуха и чуть не впечатавшись лбом в огромный ствол алидарской сосны, вслед за незнакомцем вышел на небольшую поляну. Дом!

Точнее, охотничья сторожка. И дверь уже наполовину заметенная, так что не подобирается. Сменив Фела на лопату, я стал помогать хозяину в расчистке крыльца.

Каким наслаждением было зайти туда, где не дует, не свистит и не сносит с ног. Есть слабая надежда, что без соприкосновения с внешней средой магия Феликса уснет или ослабнет.

– Клади сюда, – сразу засуетился хозяин, – что стряслось?

Любопытство не было праздным – великан хотел узнать, какую помощь оказать «раненому».

И вот тут я подзавис. Матушка болезненно реагировала на любую, самую пустячную ложь – похоже, ее когда-то крепко обманули. Я тоже предпочитал говорить то, что думаю – но вдруг лесник решит, что самый простой способ остановить бурю – это избавиться от ее источника. В прямом смысле. Но нет, не поднимет же он руку на снарра...

– Его магия вышла из-под контроля, лирон...

– Ахвик, егерь алидарского леса. Только давай без дворцовых церемоний, ушастый. В наших краях нет лордов, сеньоров и лироннов, все равны.

Это он намекает, что остальные такого же роста и комплекции? Угрожает...

– А как ты понял... – мы же все еще были в капюшонах.

– Такие плащи носит только ваша порода, и ты сам сказал, что он маг, – хозяин выпростал лапищу в сторону брата, – за всю жизнь я не слышал ни об одном стихийнике среди людей.

Это верно, а я снова прокололся. Если вспомнить наставления гувернеров, то все истинная правда, стихийная магия подчиняется только снаррам, солнечным эльфам, а та, что изредка достается людям, слишком слаба по сравнению с ней.

– Нам нужно связаться с нашим Домом, – вспомнил главное, – не откажите в вороне, я хорошо вас отблагодарю.

– В вороне? – хозяин зашелся смехом, – сразу видно молодую поросль. Сколько тебе годков? У нас тут снежные совы, но в такую бурю я свою Каролину не отправлю, не обессудь, – и запрокинул голову наверх, к деревянной лестнице, – Мила, ступай сюда! У нас гости.

Робкий топот женских сапожек – и я стал свидетелем сцены, которую однажды описывал в своем романе великий Алиссан. Светлые кудри развеваются, развевается тяжелый зеленый подол и рукава, пока прекрасная незнакомка бежит с лестницы, уже очарованная эльфийской притягательностью... моего брата. И это точно дочь Ахвика? Вот она уже склонилась над «раненым» и что-то щебечет, укладывает Фела поудобнее, и в глазах исконно женское желание спасти... не меня.

Егерь что-то сказал дочери, и та метнулась за дверь – видимо, на кухню.

– Если позволите, я помогу, – мне с трудом давалась роль гостя, но главное – поставить брата на ноги.

Неслышно, как истайр⁸, я проскользнул в полутемное помещение, освещенное только пышущей жаром печью. Ее то и дело перекрывал тонкий силуэт, пока девушка хлопотала над котелком.

В какой-то момент она почувствовала мой взгляд и обернулась.

– Вы уже встали! – неверяще прошла по мне с ног до головы, – но это может быть опасно, лучше вернитесь...

⁸ Лунные эльфы, умеют передвигаться абсолютно бесшумно. В мире Ниариса две родственные расы эльфов – снарры (солнечные) и истайры (лунные).

Тут она запнулась и побледнела – наконец поняв, что перед ней не мой брат, а некто другой. В «приемной», или как она там называется у диких северян, она даже меня не заметила!

Зато сейчас не могла отвести глаз. Они расширились, так что из прозрачно-голубых стали почти черными, а черпак в руках мелко задрожал, расплескивая какое-то варево.

– Я брат счастливица, которому предназначается Ваша забота, – легкий поклон, – Ленсар.
– М-милорада.

Что-то подсказывало, что заикается она не с рождения, а от испуга. Да неужели я страшный, как лесной гхар? С братцем мы почти на одно лицо, но на него она смотрела, как кошка на сметану.

Так на нас с Фелом смотрят дочери придворных. А сейчас я даже захотел поискать зеркало – ну, мало ли что.

А она так дрожит, что у меня в ушах отдается стук ее сердца и ток крови, заглушая мой собственный. До наваждения.

По этикету коснулся губами ее запястья – и шум меня накрыл, словно толщей воды. Той самой соленой воды, что окружает моряка со всех сторон, но которая неспособна утолить жажду. Ощутил себя пропащим выпивохой, умирающим без глотка первача.

И эти ее глаза – нереально прозрачные, как озерные воды на рассвете, от природы яркие губы чуть приоткрыты. С трудом отступил на шаг, уже подозревая незнакомку в коварных ведьминских чарах. Поскорее бы отсюда свалить.

Она быстро прошла мимо меня, сделав небольшой крюк, и я выдохнул, привалившись спиной к бревенчатой стене.

Если мы с братцем в ближайшее время не выберемся из этих краев, то я сам стану диким.

Глава 3. Милорада, или Его глаза

Снежная буря явилась мне в видении на обратном пути от ведьмы – но я и помыслить не могла, что она накроет своим белым плащом так скоро. Поминутно оглядываясь, я ускорила скию, отчаянно орудуя палками, и подозревала, что чем-то прогневала богов.

Солнце прячет от нас свой лик – чем не доказательство? Едва успела вернуться до отцовского прихода и поставить вариться кашу. Испытать еще и его гнев было бы чересчур. Но, справедливости ради, отец крайне редко меня бранил, чаще всего потакая моим нехитрым капризам. Но когда вопрос касался безопасности единственной дочки, он будто срывался с цепи, и я могла видеть того устрашающего егеря Ахвика, чьим именем в деревне Большие лопухи пугают детей.

Я запустила пальцы в многоцветную шерсть Царапки – будто в лоскутное одеяло, и вздохнула. Была бы здесь мама. Злые языки говорили, что она была девицей легкого поведения и бросила меня, оставив на отца, как только разрешилась от бремени. Все попытки выяснить правду наткнулись на стену отчуждения, поэтому я перестала об этом думать.

Оставалась надежда, что однажды правда откроется мне в видении.

Буря за окном вынудила закрыть ставни, печь чадила – вообще удивительно, что была тяга при таком буйстве стихии.

– Я дома, где моя принцесса?

Отец принес несколько птичьих тушек и одного русака – настоящий пир, вот только если буря не уляжется через пару дней, придется переходить на вяленое мясо и соленья из погреба.

– Не бойся, – батюшка возвышался нерушимой скалой спокойствия, о которую проблемы откатывались назад, как волны, и разбивались брызгами. Он потрепал меня по макушке, отчего из кос выбились колоски, – клянусь Солнцем, столичные магики шалят. Скоро все утрясется.

Но, кажется, земля решила окончательно разойтись под моими ногами.

Когда я увидела настоящего солнечного эльфа, снарра – у меня перехватило дыхание. Прекрасный, как принц, и нуждающийся в помощи – почти как в сказке, где я случайно стала героиней. Но потом...

Снимая отвар для больного, я обернулась – чей-то взгляд прожигал плечо, и как бы я не отговаривала себя, что некому так смотреть, оказалось – есть. Второй снарр в удобной и при этом дорогой охотничьей одежде стоял в дверном проеме. Сначала я приняла его за первого, который «спящий принц», и немало удивилась – но потом заметила, что волосы у него острижены куда короче, никаких эльфийских кос, примерно так же ходили парни из Больших лопухов. Тем больше внимания привлекали заостренные уши, в одном из которых блестел драгоценный камень. Нет, как я могла принять его за первого... У них совершенно разные глаза. И вот эти, что сейчас напротив меня, я уже не раз видела в кошмарах.

Снарр коснулся моей руки в вежливом поцелуе, как принято у них в столице, и меня прошибло молнией. Страшно и волнительно, но страха больше.

– Ленсар, – даже его имя показалось знакомым, будто уже слышанным во снах, так блеклая тень обретает плоть и краски.

Не помню, как назвала свое имя, поскорее прихватила черпак и поспешила к больному.

После, когда гостей оставили в гостевой комнате, предварительно плотно накормив, я завела отца в кухню и усадила перед собой – наверное, со стороны странное зрелище. На колени плюхнулась упитанная тушка Царапки.

– Они останутся здесь, пока не утихнет буря?

– Да, – так же шепотом отозвался родитель, – тогда я отправлю Каролину с письмом, и им вышлют, как его... кристалл. Те-ле-пор-та-ци-он-ный.

– Заметил, они неразговорчивы, – «первый» все так же спал, но теперь без лихорадки, а его спутник угрюмо молчал и чему-то хмурился.

– Зато хорошо платят, – в пальцах отца сверкнул золотой, – как появились, так и уйдут. Скоро раненый очнется.

– Но это же снарры! Из самой столицы, с юга нашей империи! Разве тебе не интересно послушать их истории? – горячо зашептала я, – помнишь, когда я была маленькая, к нам забрели крадалшин, гномская семья.

О, для домика егеря, стоящего даже не на отшибе, а глубоко в лесу, это было целое событие.

– Они не нашего полета птицы, дочь, – в голосе появились знакомые интонации – так батюшка периодически отговаривал засматриваться на сына старосты, на сына мельника, на сына сапожника, сына кузнеца... – чем меньше с ними водишься, тем крепче спишь.

– А сколько им лет, как думаешь? – все знали, что снарры практически бессмертны, и своей смертью в старческой постели им умереть крайне сложно.

– Они молоды, и оттого опасны. Правда, будь они долгожителями, я бы опасался еще больше. Говорят, селестарские лорды – ледяные статуи с каменными сердцами, даром что их называют солнечными.

– А император относительно... молод, – вспомнила я уроки в Больших лопухах, – и даже женился на человеческой девушке.

– Исключение из правил, – пожал плечами отец, – единственный случай за всю историю. Так что даже не вздумай на них засматриваться!

И не думала, правда. Не после того, как узнала Те самые глаза. Но Лейра сказала, что судьба только в моих руках, и в моей воле не допустить непоправимого. А любопытство – разве можно упрекнуть в нем дочь егеря, всю жизнь прожившую среди деревьев и птиц?

Ночью я не могла заснуть, прислушиваясь к каждому шороху внизу. При том, что громыхала буря, это было объяснимо, но причина моей бессонницы мирно спала в гостевой. Ну, я на это надеялась. Я все еще его боялась? Да, определенно. Но в присутствии дома отца страх притупился. Как страдающего лунной болезнью, ноги сами понесли меня вниз. Для оправдания я прихватила с собой кувшин – якобы чтобы наполнить водой. Но у кухни можно было свернуть направо и посмотреть одним глазком... Чтобы потом рассказать в Больших лопухах, храпят ли солнечные эльфы!

Во сне сопит кошка, заливаются руладами отец, а я крадусь, как вор, в собственном доме.

– Матушка! Матушка! – на лавке мечется «первый», который длинноволосый, и я подлетаю к нему, беру за руку, слабо задумываясь о том, что делаю. Лоб снарра горячий, и я бегу за мокрой тряпицей.

Ой!

Удар в грудь весьма ощутимый. Настолько, что я отлетаю на пару шагов и почти падаю, но чья-то рука подхватывает меня у самого пола. В другой руке ночного незнакомца замечаю кусок льда в полотенце.

– Милорада...

– Ленсар...

Произносим мы почти одновременно.

– Моему брату стало хуже, – говорит снарр, отводя глаза, и я понимаю, как он беспокоится.

– Что с ним? Он не приходит в себя.

Напрасно мне показалось, что ночная тьма нас сблизила, эльф снова закрылся, поняв, что показал лишнее.

Пытаясь опередить друг друга, мы положили компрессы почти одновременно, и моя рука случайно коснулась его.

... Я вижу двух милейших детей – малыш постарше качает резную люльку с голубоглазым младенцем. А зеленые глаза старшего снова затягивают в свой омут, в них резвятся золотые огоньки, как мальки диковинных рыбок...

Отдергиваю руку, надеясь, что снарр ничего не заметил. Нет, он даже отвернулся.

– Я тебя понимаю, – внутри, как дождевая туча, назрела потребность высказаться, – если бы у меня был младший брат, я бы с ума сошла от страха.

– Младший? – парень усмехнулся, наконец посмотрев мне в лицо, – мы близнецы, но он старший.

Но как? Значит, в видении был другой брат.

– Но порой он ведет себя как сущий ребенок. На этот раз потерял контроль над своей магией. Твой отец знает, – добавил словно между прочим, чтобы избежать лишних расспросов.

Значит, беспокоиться не о чем. Сам отец сказал готовить укрепляющий отвар. Святое Солнце... Магия!

– Он и правда настоящий маг?!

Ленсар встретил мой восторг с холодным снисхождением.

– Очень сильный маг. Потенциал, как у него, не у каждого стихийника в колене.

Как будто на смотринах нахваливает.

– А ты нет? О, прости.

Лицо чародея тем временем разгладилось – порожистая речушка превратилась в широкую реку сна. Сколько еще тебе плыть на своей ладье?

Повода задерживаться больше не было, и я с некоторым сожалением покинула гостевую. Обернулась на пороге – Ленсар смотрел мне вслед. Страх, смешанный с азартным возбуждением, пронзил стрелой, но здравый смысл оказался сильнее, и я убежала к себе наверх. Что со мной? От чужака лучше держаться подальше, и разве сны не предупреждали о чем-то ужасном?

И только забравшись с ногами на кровать, я задумалась – о чем же именно. Западнее, ближе к фаргонским границам, ходили слухи о лунных людях, которые при свете луны превращаются в смертоносных тварей. Правда это или нет, неизвестно – в их лесах хватало и самых обычных чудовищ. Скорее всего, это на их счету загрызенные овцы и распотрошенные путники. А снарры это просто снарры – как могут благословенные Солнцем, представители древнейшей расы быть чудовищами? Правильно, не могут, а неправильно растолковать божественное послание – это запросто.

С этой мыслью я наконец заснула.

... Белокаменные стены дворца, на постели бледный, как простыня, юноша. Без сомнения, Ленсар – несколько младше, чем сейчас. Темноволосый и хмурый, как ворон, лекарь приносит ему лекарство. И бледность постепенно отступает...

Глава 4. Ленсар, или Незванные гости

Что-перина жестковата – сменить бы к гхарам главного слугу, пусть стелит постели в трактирах.

– Брат, это мы где? – слабый тычок в бок, и я просыпаюсь. Сверху на меня с укоризной смотрят деревянные балки гостевой комнаты егеря. Чуть ниже – озадаченная физия Фела-младшего.

– В плену у фаргонских повстанцев, – бурчу я, наощупь надевая сапоги.

– Да ты что! Бежим скорее!!! – нехорошо смеяться над немощным, но я не удержался. За такое выражение лица дофина главный карикатурист столицы выложил бы немалые деньги!

– Сиди уже, – положил ладонь ему на плечо, – а ты что, ничего не помнишь?

Братец протер глаза.

– Ну, была охота, мы сбежали от гвардейцев...

– А потом ты устроил вечную зиму, – напомнил ему.

– Вот же драконы потроха!

– Теперь ты должен успокоиться и все вернуть, как было. Сможешь?

– Не знаю, – небесные глаза брата расфокусировались – значит, он нащупывает нити силы, или что там еще, – у меня не получается! Я ничего не чувствую!

– Успокойся и попробуй снова.

– Моя магия, она пропала!!! – о спокойствии теперь и речи не шло.

– Сядь же, – насильно усадил Фела на лавку, – у тебя такое уже было после попойки на праздник Солнца, и через сутки восстановилось. Помнишь?

– Но тогда я ощущал хотя бы слабые следы Силы, а сейчас ничего! – голос Фела сорвался на фальцет, – прямо как до двадцати лет, когда я не подозревал, что стану магом...

– Значит, твоей магии показалось, что некто ведет себя несоответственно статусу.

– Ты говоришь как отец, – Феликс поджал губы, – и смотришь прямо как он.

Братец встал и прошелся из стороны в сторону. Вздрогнул от особенно выразительного завывания ветра.

– Правильно я понимаю, пока не удастся усмирить бурю, мы здесь замурованы.

– Не только мы, – одернул старшего брата, – из-за тебя «замурована» семья егеря, и пострадали близлежащие деревни.

– Отец нас уже ищет...

– Но ты постарался затруднить ему этот процесс. Нужно выбираться самим и решать пробле...

– Вы уже проснулись, – на пороге оказалась Милорада с подносом в руках.

– Это дочь хозяина, – шепнул Фелу, но тот едва ли услышал – он во все глаза смотрел на вошедшую.

– Ты мне снилась, прекраснейшая богиня, – и куда только делся растерянный маг, потерявший силу? Нет, потерять ее невозможно, как и обрести, если ты родился обычным. Но минуту назад Фел паниковал так, будто больше никогда не сможет колдовать.

– Милорада, – девчонка присела в реверансе и к моей немалой досаде покраснела – неужели купилась на это шутовство? – рада видеть, что Вы в добром здравии.

– Фе... – чуть было не оговорился Феликс, – Федор.

Правильно, потому что Феликсом могли называть только старшего в династии Элвелоров, того, кому переходит престол. То бишь будущего императора, но никак не обычного снарра.

– Полагаю, на поправку я пошел только благодаря Вам? – братишка все также не сводил глаз с «жертвы», – Ваши волшебные руки исцелили меня.

Когда Милорада убежала, бросив поднос на ближайшую поверхность и пробормотав о том, что ее ждет отец, я повернулся к Феликсу.

– Должен тебя предупредить, хм, Федор, – а неплохое имечко для вылазок инкогнито, – что у ее отца руки крепкие и в случае чего с радостью пожмут твою могучую шею.

– Ты о чем? – брат и бровью не повел, – если бы не эта милая девушка, я бы все еще валялся без сознания. Ведь правда?

– Ты все знаешь, – я начал закипать, – «прекраснейшая богиня», «волшебные руки» – к чему все эти виляния?

– Да ты на нее запал! – Фел выпрямился и уставился на меня так, будто и правда явилась древняя богиня во плоти.

– Еще чего! – схватил деревянную миску с кашей и принялся есть.

– Втюрился... – пакостно ухмыльнулся Феликс, безуспешно прикрываясь большой ложкой, – но тебе можно, ты же не наследный принц. Хочешь – оставайся на Севере, будешь местным городничим. Нет... деревенским старостой. Хахаха!

– А наследному, значит, позволительно морочить голову провинциалкам? – прошипел я так, чтобы наш разговор не вышел за пределы комнаты.

– Раньше тебе было как-то все равно, когда я морочил головы придворным дурочкам.

– Эти люди спасли нас и приютили.

Фел вскинул глаза, но промолчал.

Какое—то время тишину нарушал только стук ложек о миски. Даже привередливый братец на голодный желудок ел без нытья.

– Хорошо, давай так, – дофин империи пригубил травяной напиток, – я ее не трону, даже пальцем не коснусь, но если она сама захочет... – на его губах снова появилась улыбочка, – то желание дамы закон.

– Поспорим, что не захочет? – так и хотелось надеть кружку ему на голову, – ты должен думать о возвращении силы и возвращении домой, а не о легкомысленных похождениях!

– Ты скучнее моего молитвенника, поэтому и с девушками у тебя проблемы, – глубоко-мысленно изрек Феликс с видом философа за потягиванием старинного вина, – хочешь, дам совет? Будь проще.

– Например? – я напрягся, в глубине души надеясь выцепить что-то полезное из опыта старшего брата.

– Ну, вот, если она тебе нравится, дай ей это понять. Женщины скованы правилами и условностями куда сильнее мужчин, хотя у нас при дворе каждая вторая из кожи вон лезет, чтобы заполучить титул и бессмертие.

После того, как родители сняли многовековое проклятие с нашего рода, солнечные эльфы снова смогли делить вечность с любимыми на двоих.

Спасибо им, в отличие от отца в свое время, я не боялся полюбить, и пару раз думал, что у меня та самая Любовь. Но красавицы оказались очередными охотницами – одна из них даже пыталась прежде опробовать на прочность моего брата, но он оказался ей не по зубам. Каким-то образом Фел сумел закрыть свое сердце – не удивлюсь, что на это повлияла магия, и мастерски превращал охотниц в дичь. Играл и выбрасывал за ненадобностью, чтобы другим было неповадно. Но желающие испытать судьбу всегда находились.

Милорада была другой. Я видел, как она смотрела на Фела, и внутри отчаянно болело, стоило подумать о ее разбитом сердце.

Мы исправно платили золотом, поэтому Ахвик нас не гнал взащей на верную смерть, хотя стоило бы. От него не укрылось, как мы с братом засели в поленище с тесаками и до вечера выстругивали подарок егерской дочке. Фел сделал ожерелье – с идеально гладкими бусинами размером с горох, с россыпью маленьких шишек, звездочек и прочей девчачьей ерунды спереди.

Я же вырезал широкий браслет со снартарийскими рунами, привлекающими удачу.

Чуть ли не толкая друг друга плечами, к вечеру мы вышли на общий ужин. Улыбнулись, как две пираньи, и сели напротив хозяина и его дочери. Интересно, а где хозяйка? И слепому видно, внешностью дочь пошла в нее, никак не в отца.

– Да будет милостиво к вам Солнце, – заученно проговорили мы с Фелом, прежде чем взяться за ложки. Во дворце, если трапеза проходила по всем правилам, и вовсе приходилось читать получасовую молитву на снартарилле.

– Да будет милостиво, – пробасил Ахвик, и ему тихо вторила Милорада. Какой у нее голосок... чуть хриплый, тихий и уютный, как урчание кошки.

– Буря не утихает, – произнес хозяин с намеком, – снегом заносит окна на втором этаже.

– Через сутки мои силы восстановятся, – заверил Феликс с белоснежной улыбкой и уверенными интонациями отцовских советников, за которыми обычно скрывалась ложь. Идеальный дофин! – а пока нам остается только уповать на милость Солнца.

Подозреваю, что сейчас егерь проклинает всех магов империи вместе взятых. Вот его уж точно не купить авторитетом «мудрых и всемогущих снарров», как среднестатистического подданного.

Милорада покосилась на закрытые ставни, а потом в них бухнуло не иначе как тараном. Дзынькнуло и задребезжало прочнейшее гномское стекло.

Что это, к гхарам паршивым, такое?!

Ахвик подскочил и схватил со стены топор.

– Мила, иди к себе.

Чуть поколебавшись, девушка побежала по скрипучей лестнице в спальню.

Мы с братом бросились за своим оружием – у каждого был небольшой удобный лук по последним разработкам селестарского оружейника – кто-то знающий из столицы мог бы вычислить нас именно по ним, и одноручные мечи.

Звук повторился, и я ощутил, как напряглись мышцы.

– Это, случайно, не соседи на постой просятся? – сказал, чтобы как-то разрядить обстановку. Фел, непривыкший без магии, уже был бледным, как сутки тому.

– Так разрыть снег может только плотяник, – будь воля Ахвика, он бы нас зарубил тем самым топором, а я похолодел – плотяники считались почти истребленными тварями северных лесов. Покрытые чешуей, как виверны, в учебниках они напоминали огромных мутировавших нутрий.

Видимо, снаружи замело настолько, что инстинкт велел зверю искать пристанища здесь.

Плохо, плохо. Стрелой броню не возьмешь, мечом тоже. Топором – если он не найден в древних могильниках забытых королей – тем более. Есть шанс попасть в глаза, но и их тварь прикрывает чешуйчатыми веками.

– Может, есть смысл забаррикадировать окно? – предложил Фел, но тут громыхнуло с другой стороны, и брызнула стеклянная крошка.

Я впервые понял выражение «сердце ушло в пятки».

Их двое. Возможно, больше.

– Мила, что я тебе сказал? – рявкнул Ахвик, не оборачиваясь, – сиди и не высовывайся!

А в действиях девчонки был смысл. Она взяла кочергу и сунула в раскаленные с ужина угли. Сама предварительно надела толстые перчатки, умница.

Сообразив, мы все последовали ее примеру – топор, стрелы и мечи отправились в печь. Единственный минус плана – когда первая тварь выломала окно, мы сидели вокруг огня, как студии на пикнике. Не хватало только шампуров с нанизанными зефирками.

Поэтому первым, кто отразил атаку плотяника, стал кот! Точнее, кошка Милорады. Она вцепилась в морду зверя и выиграла нам пару драгоценных секунд.

– Эй ты, бобер-переросток! – Фел взмахнул мечом, но он ожидаемо шваркнул по броне, высекая искру. А за моей спиной Ахвик с дочерью уже встречали второго. Я поспешил на помощь брату, отвлекая монстра цвета подгнившей тины и трех ярдов длиной. Из пасти у него, впрочем, тоже несло так, будто там что-то подгнило.

Слава Солнцу, удалось всадить клинок как раз в разъявленную пасть, меч вошел аж до самой гарды, но плотяник и не думалдохнуть – он выплясывал, как герцогиня на балу, разметывая хвостом в щепки все, что попадет на пути – стол, стулья... И при попытке брата его добить сорвал у того деревянное украшение, предназначенное для Милорады. Вот с ним на шее он наконец обрушился на деревянный пол... сраженный арбалетным болтом егерской дочки.

Мы с Фелом синхронно развернулись к Ахвику, чтобы эпично выпустить стрелы – Фел в правый глаз, я в левый, потом дать друг другу «пять», и все это на глазах пораженной Милорады. Но нет, егерь уже порубил тварь и стоял, тяжело дыша, забрызганный смердящей кровью.

– На запах придут другие, – здоровяк сплюнул, – Мила, собирай вещи, спрячь ключи от погреба. Мы уходим.

Без лишних слов она, как послушная дочь, подобрала юбки и на этот раз убежала.

– Послушайте, – Феликс почкой чувствовал, что быстрая битва лишь раззадорила егеря, и теперь он с радостью продолжит оттачивать топор на эльфах, – я компенсирую весь ущерб, вы сможете купить десяток таких домов, всю деревню!

– Помолчи, мальчик.

На него он смотрел презрительно, на меня – чуть менее, и вроде бы не собирался убивать прямо сейчас, поэтому я подал Фелу один из наших знаков, означающий «молчи».

– Куда мы пойдем? – без стекол и ставен в избу по-хозяйски вошла вьюга. Сразу стало холодно и неудобно.

– В деревню, куда еще, – Ахвик умылся из простого рукомойника на стене. Это в Селестаре⁹ не так давно провели трубопровод, а в глуши о таком чуде техники и не знали, – староста там со стайринской кровью, должен был оградить деревню шаманством.

На границах тут и там попадались смески – люди с большой и малой примесью крови лунных эльфов. Если староста шаман, то, возможно, поможет брату вернуть силу. Или свяжется с дворцом по воде! Слышал о таком способе от отца, его друг-истайр частенько его использовал.

Но до деревни надо еще дойти. Всю сложность этой задачи я осознал, когда егерь отлучился и вернулся с несколькими парами скио... и мотком веревки.

⁹ Селестар – императорская резиденция, «дворец в облаках» в переводе со снартарилла

Глава 5. Милорада, или Снежные призраки

– Прежде чем мы уйдем, – Ленсар протягивал какой-то браслет, – прими от меня это. Я сам вырезал обережные руны, хочу, чтобы они хранили тебя в пути.

– Спасибо, – я растерянно приняла подарок, – ты сделал это для меня? Сам?

Чем я заслужила подобную милость? Странное чувство шевельнулось в районе груди, раньше я получала подарки только от отца и от деревенского старосты, когда была ребенком. А если кто-то сделал вещь своими руками, то, значит, вложил в нее частичку души. В наших краях подобные подарки делали только самым близким, но Ленсар – чужак, и у них на юге все могло быть иначе.

Отказ могут растолковать как оскорбление.

Но вот вернулся отец, и раздумывать стало некогда.

Под утвердительный кивок снарра я защелкнула браслет на запястье и поразилась, насколько он по размеру.

Я поймала хмурый взгляд Федора – видно, что он еще не до конца оправился, поэтому и в битве больше мешал, чем сражался. А Ленсар нанес неплохой удар, я бы никогда не рискнула пойти на плотяника с мечом. Спасибо видению, оно как вспышка на пару шагов озарило незнакомое будущее и предупредило о неожиданном визите.

– Итак, идти шаг в шаг, по колее, – скомандовал отец, – я первый, за мной Мила, вы замыкающие.

Расчистив крыльцо в меру сил – благо незваные гости постарались до нас – мы выстроились на скию, с палками и оружием, обвязанные толстым корабельным канатом. На шее у отца болтался масляный фонарь.

Беспощадный ветер трепал волосы и обветривал даже привыкшую к морозам кожу. Снег бил по лицу холодной пощечиной, стоило распахнуться капюшону, поэтому я посильнее затянула все завязки и платки. Под одним из них притихла Царапка – не могла же я бросить ее одну!

Наверное, этим снаррам я кажусь неуклюжей гусеницей, совсем не такой, как прекрасные эльфийки. Нет, вряд ли южане могут стоять на скию увереннее уроженки Алидара.

Да уж, Мила. Твой дом разнесли лесные твари, вокруг бушует стихия, а тебя волнует, что о тебе подумают чужаки – виновные в этой буре. Внутри все замирало, стоило представить, какая сила таится в «проснувшемся принце», Федоре. Злиться на него не получалось.

С недавних пор я сама была вместилищем силы – иной, но суть та же. Это нас сближало, пусть и только в моих глазах. А с Ленсаром сближали сами видения. Какое—то одностороннее сближение, нечестное, но большая часть меня просто радовалась новым впечатлениям – будет что рассказать внукам, если они у меня когда-то появятся, или хотя бы на вечер стать центром внимания в таверне Больших Лопухов.

Скажешь тоже – в центре внимания. Хорошо бы просто напомнить, что я, Милорада, дочь Ахвика Могучего, существую.

И сейчас, несмотря на опасности предстоящей дороги до деревни, я втайне радовалась выходу в люди.

– Если поднимаю правую руку, вы останавливаетесь, – продолжал громогласно наставлять отец, – если поднимаю левую – вы останавливаетесь и беретесь за оружие, – братья кивнули, – будем молить богов, чтобы нам не пришлось снимать скию и сходить с колее. И да не погаснет фонарь.

Да, батюшка сказал – «богов», потому что ближе к границам все больше почитают и стайринскую Луну, а кто-то и других, полузабытых защитников. Про фонарь тоже было не для красного словца – в такую метель он служил неплохим ориентиром.

– И еще, – крикнул отец, с трудом перебивая ветер, – без моего приказа ни за что не перерезайте веревку.

На случай крайней необходимости был уговор отрезать свою веревку от общего каната. Если чужаков и покоробил тон моего отца, они никак это не выдали.

– Нужно вызволить матушку Лейру! – спохватилась я, когда мы почти выступили.

– Ведьму, что ли? Так она и до весны может в своей берлоге сидеть, ей ничего не будет. Скорее мы к ней придем, если из деревни погонят.

На том и порешили, но на душе все равно скребли кошки. Я себя успокаивала тем, что видений не было, а значит, все в порядке.

Фонарь отца вспыхивал и гас, как маяк – и чаще гас, чем вспыхивал. Вьюга почти не оставляла шансов рассмотреть, что там впереди. Я бы давно сошла с колеи, если бы не веревка. И почти сразу стало понятно, что условные обозначения требуется менять. Не та видимость.

– Два раза дергаю за канат – значит, останавливаетесь и передаете сигнал дальше! – обернувшись, во всю мощь легких прокричал отец, и мы с эльфами кивнули, – Если один – то идете медленнее, если три – то летите со всех ног!

Наставления отца пугали сильнее непогоды и таящейся в ней опасности. Если мой батюшка, который никогда и никого не боится, так нервничает, это не к добру.

Сколько там плотяников, на каком расстоянии от нас? Если до сих пор нет видения, то еще далеко. Наверное.

Веревка, повязанная как пояс, натянулась три раза, встревожив Царапку, и я едва устояла на скио, проехав несколько ярдов по инерции, и только потом сообразила, что сигнал нужно передать. Дернула три раза за канат позади себя, а потом начала думать, кто за нами гонится. Гхар, огромный легендарный медведь – наделенный разумом и недюжинной силой? Стая плотяников? Или волки, жадные до людской крови?

Да хранит нас Солнце. Как стрелять и вообще сражаться, если порывы ледяного ветра сносят с ног?

На краткое мгновение фонарь отца вспышкой разорвал слепоту. Мы мчали по своеобразному туннелю между огромными алидарскими соснами, никуда не сворачивая – и если бы не ветер внахлест, то от этого полета я бы испытала настоящий восторг.

С одной стороны, теперь понятно, что дело не в погоне, а в удобном случае. А вот с другой... Недаром Лейра всегда страшила, чтобы не ходили «по дороге древних». Но сказать об этом отцу не представляется возможным. Да и разве он не знает?

Несколько раз я зажмуривалась, и можно было даже не размыкать глаз – и так, и эдак ничего не видно. Когда же деревня? Теплая таверна в «Больших лопухах», горячая похлебка, подогретое вино с пряностями...

Только я об этом подумала, как последовал сигнал от отца – веревка больно дернулась о ребра, два раза. Неужели остановка!

Я не успела передать знак братьям, и эльфы врезались мне в спину, падая со скио и увлекая на снег. По счастью, страховочные крепления отец делал сам, на совесть – и только это спасло от переломов.

– Мила, прости, – сверху пошевелился Федор, но на нем был Ленсар. Только когда батюшка поставил его на ноги, резко дернув под мышки, «спящий принц» смог подняться. Пошатываясь, я тоже встала, не без помощи братьев, и тотчас провалилась почти по пояс. Мы стояли в сугробах, как овощи на грядке – но ветер не оставлял попыток нас выкорчевать.

На плечо опустилась тяжелая рука отца, фонарь мигнул в последний раз и потух.

В движении холод почти не ощущался, но, стоило нам остановиться, как он не преминул сковать тяжелыми кандалами. И холод, и страх. Даже Царапка за пазухой замерла, до боли вцепившись в нижнюю рубаху. Одновременно с этим плечо до боли сжал отец, а вторая рука

в кожаной перчатке накрыла рот, заполнив нос характерным запахом. И частично глаза – хотя что можно увидеть в крошечной темноте?

Погодите, а это не деревня? Я совершенно точно уловила блеск трепещущих огоньков.

– Оте...

Рука надавила сильнее, вызвав обиду и злость. Даже страх отступил.

А напрасно.

Огоньки шевельнулись снова, и глаза, немножко привыкшие к темноте, начали различать руки, темные фигуры замерших эльфов... и огромное мохнатое нечто – в два человеческих роста, переваливающееся с ноги на ногу – так близко, что оно почти касалось меня.

Почему же видения молчат, когда они так нужны? Почему не предупредили?! Или в некоторых случаях предупреждения бессильны?

Клянусь, после этой ночи в мою гриву закрался не один седой волос.

Но почему отец даже не пытается спастись? На него воздействовали магией?

Мех колыхнулся в сторону, и его черноту мгновенно стерла вьюга. Хватка на губах ослабла, я сглотнула терпкую соль.

– Бежим!

Ну и пусть, что даже ступать мы могли с трудом, по-журавлиному поднимая колени... все равно! Лишь бы оказаться подальше от этого... этого...

– Неупокоенная душа, – ухо оцарапал громкий шепот, – больше этот гхар не опасен.

Гхар... полумифическая тварь, огромный серый медведь, именем которого пугали детей... Только что я видела его? Точнее, его призрак?

Обхватив нас троих огромными ладонями, так что мы с Федором и Ленсом почти соприкасались лбами, батюшка давал следующие наставления:

– Становимся на скио, едем дальше как можно скорее. Но если видите кого-то, немедленно останавливайтесь, кто бы там ни был. Неупокоенные реагируют на движение.

Отец снова зажег фонарь, и в этот момент нас сверху упала тень.

Братья бросились было врассыпную, но поняли, что мы связаны одним канатом, и утянули в снег.

Гхар не развеялся с метелью. Слепо вглядываясь в колючее пространство, я могла представить, как он безмолвно втягивает носом воздух, раздумывая, куда бы наступить, чтобы раздавить наверняка.

– Не дрожи так, красавица, – в глубоком сугробе я оказалась прижата к Федору.

– Он уйдет, – это с другого бока Ленс.

Но я была так напугана, что на смущение не осталось ни времени, ни сил.

Да и какие могут быть правила приличия, если янтарные огоньки, оказавшиеся глазами чудовища, нависли в каком-то ярде.

– Сейчас он питается нашими страхами, – прямо в ухо зашептал Ленсар – а иначе было никак, при такой буре, – настоящий гхар давно схарчил бы нас и не подавился.

– И что же делать? Ждать, пока уйдет? – к слову, даже просто ждать легче, когда кто-то рядом не предается панике.

– Боюсь, этого мало, – и зеленые глаза снарра стали ярче, будто вознамерились соперничать с гхаровыми очами, – только не кричи, что бы сейчас ни произошло.

Никогда не любила сюрпризы, и сейчас тоже предчувствовала что-то неприятное. Царапка тоже завозилась за пазухой, словно чувствуя мое настроение.

А потом обе щеки обожгло.

Братья отстранились почти сразу, и это спасло обоих от справедливой расплаты – я не знала, кого бить первым. Как они посмели... как они посмели... поцеловать меня! Даже родному брату было бы позволительно коснуться поцелуем лба и не более, а тут...

– Сработало! – их ладони соприкоснулись в хлопке над моей головой, и тогда я поняла причину сего смущающего маневра.

– Призрак... исчез!

Я переводила взгляд с одного улыбающегося лица на другое и обратно.

– Прости, я не мог сказать, иначе бы не было такого эффекта, – Ленсар поднялся на ноги и подал мне руку – но в тот же момент протянул ладонь Федор.

Слегка рассердившись на самую себя за недогадливость, я позволила себе опереться на обе.

– Скорее! – отец внимательно оглядел нас троих, будто подозревал в чем-то предосудительном, – мы почти у деревни.

Меня накрыло знакомое чувство расплывающейся реальности, и не будь метели, кто-то обязательно обратил бы внимание на мой отсутствующий взгляд.

Знакомая деревянная табличка-указатель с едва различимой надписью «Большие лопухи» четко обозначилась слева, и, вернув зрение, я уже могла уверенно двигаться в нужном направлении.

– Мила, ты идешь не туда! – отец потянул веревку.

– Нет, я точно помню, доверься мне!

– Как ты можешь помнить в такой буре? Не глупи!

Я редко спорила с отцом, а в присутствии посторонних это и вовсе было недопустимо, но сейчас от моей убедительности зависели наши жизни.

– Я уверена, отец! Мы должны идти левее!

Вероятно, батюшка уловил что-то странное в моем голосе, что заставило согласиться.

Только бы видение не подвело.

Глава 6. Ленсар, или Большие лопухи

Сначала я думал огреть братца чем-то тяжелым, потому что идея с поцелуем была исключительно моей, но то, как она сработала, свело злость на нет. Как знать, вдруг без вмешательства Фела эффект был бы не столь силен. И все же он отнял часть моей славы в глазах егерской дочки. Именно я вспомнил, как бороться с призраками, потому что не сбегал с уроков, как Его Высочество дофин.

Ну да ладно. Сейчас Милорада о чем-то спорила с отцом – о чем именно, расслышать не представлялось возможным. Но вот несколько шагов, которые я проделал как баран на привязи, и ко мне вернулось зрение! Бури больше не было, неторопливо падала снежная крупа, словно ее просеивала ленивая хозяйка. На стрелке-указателе чернела четкая надпись – «Большие лопухи».

– Слава Солнцу! – это Фел. Он так бурно приплясывал, что потянул за собой меня. Наконец я избавлюсь от надоевшей веревки!

– Обернитесь, – от голоса егеря снова стало не по себе – а вдруг там что-то... или кто-то...

И зрелище за спиной впечатляло. Вчетвером мы застыли, глядя на темную стену высотой до небес – там начиналась буря, а деревню, стало быть, ограждало шаманство.

– Гхары лысые... – я придвинулся к брату, – пошли искать шамана! Он должен тебе помочь.

Фел согласно кивнул и отвел взгляд от границы.

Тракт, уводящий за синеющие холмы, одеялом покрывал снег – едва ли доходя до колена. Чудесно! И ничто не мешает дышать! Просто чистый морозный воздух, как в столице на празднике встречи зимы.

Через час, может, меньше мы вошли на первый постоянный двор.

– Мест нет, брат Ахвик, – тут же дали от ворот поворот, – сам понимаешь, соседняя дярэвня без шамана, вот народ и стекается к нам. Но ты не отчаивайся, проверь «Большой топор».

Пришлось покинуть гостеприимное тепло и такой аппетитный аромат мясной похлебки, чтобы двинуться дальше. Но ни в «Большом топоре», ни в «Веселой лошади» места не нашлось. Даже свободного столика не было, не то что комнаты.

– Может, сказать, кто мы? – прошипел Фел на ухо, не выдержав, – не посмеют отказать. Они наши подданные, одно мое слово...

– Погоди, – шикнул в ответ, – егерь снова куда—то идет.

Наверное, хочет попроситься на постой к местным – прямо как давеча мы у него.

Да и будь безвыходная ситуация, Ахвик не из тех, кто сдается.

Но, как оказалось, ему посоветовали еще одно место.

– Слава Солнцу, здесь есть хотя бы столики! – сквозь решетчатые окна харчевни и впрямь просматривался полупустой зал.

– Глянь, брат, – Фел одними глазами указал на вывеску, – это знак судьбы!

Криво подвешенная, скрипящая на ветру дощечка гласила: «Эльфийский приют».

– Не припомню такой, – бормотал егерь себе под нос, – ну да и гхар с ней.

Смертельно уставшие, но довольные, мы наконец ввалились на порог.

– Светлого пути вам, путники! – воскликнули из-за стойки. Неужели эльфийка? Воображение живо нарисовало печальную историю изгнанной снаррит, которая не покорила воле судьбы, а открыла собственное дело. И в душе всколыхнулась радость, какая бывает только от встречи с сородичем.

– Будьте начеку, – шепнул Ахвик, – не нравится мне здесь. Безлюдно, как на кладбище.

Я поморщился – на Севере еще жив был варварский обычай закапывать тела умерших в землю. У нас их сжигали на ладьях, а тут... Что сказать – Дикий Север!

– Приветствую вас, благородные господа, в веганской харчевне «Эльфийский приют!» – из сказанного я понял не все, но вопросы улетучились, стоило хозяйке подойти поближе.

Это была еще нестарая женщина, тридцати пяти-сорока людских лет, с такими же светлыми волосами, как у Милорады. Возможно, я назвал бы ее миловидной, но... какого гхара она налепила себе... Ой не могу. Вероятнее всего, из воска. Фел уже держался за живот, а меня разбирало любопытство – неужели северные варвары считают, что у снарров уши, как у осла? Для пушного эффекта в каждой мочке болталось по стройному ряду «золотых» колец.

– Я помогу вам пройти по благому пути просветления, – дама увлекла нас к дубовому столу на четверых, – чего желаете?

– Да мы люди простые, непривередливые, – Ахвик тоже смотрел на восковые уши, как на чудо природы, – подай, что есть. Похлебки да пирога...

– Сию минуту!

И хозяйка взмахнула юбками, так и не опознав в нас с Фелом «сородичей». Впрочем, наши уши до такого родства пока не доросли...

Когда она удалилась на достаточное расстояние, мы дали волю смеху. А Милорада так мило улыбалась в ладошку, опасливо поглядывая на отца и тайно – на нас с братом.

Смотрел бы и смотрел, но Ахвик был прав – стоило быть начеку. Помимо нас в углу пила что-то горячительное немногословная парочка в плащах. Ничего, в случае чего нас больше. После гхара не справиться с какими-то оборванцами?

– Держите, – хозяйка довольно быстро поставила перед нами миски с... наверное, похлебкой.

– Суп из лопуха, камыша и еловой живицы, – с такой гордостью наш герольд батюшку на приемах не объявляет, – на продлит Солнце Ваши годы.

– А ну-ка, милая, – Ахвик поднялся во весь свой немалый рост, – бросай молоть чушь и неси нам нормальной еды.

Выпивохи из угла отставили кружки в стороны и вперились в нас, предвкушая представление.

– Но вы даже не попробовали... – большие глаза, подведенные углем, были готовы наполниться слезами.

– Не пробовали и не собираемся! – лапища егеря ударила по столу, – еще чего, подала какое-то зелье...

– Батюшка, – с другой стороны его локтя мягко коснулась Милорада.

– Нет, я не буду есть гхар знает что! Я прошел сквозь бурю, мой дом разнесли лесные твари, из каждой таверны гонят, а теперь еще и глумятся над честным человеком!

– Ну что вы, благородный господин! – в синих глазах хозяйки блеснуло искреннее сочувствие, – если Ваш дом и вправду... как Вы говорите... то можете оставаться, – она на секунду замялась, – с семьей сколько нужно. Платы не возьму.

Потемневшее лицо егеря несколько разгладилось.

– Благодарю за гостеприимство, но принеси нам что-нибудь съедобное. Что в твоём заведении есть?

– Вареники с хвоей, шанежки с крапивой и бархатцом...

– Съедобное! – голодный зверь внутри Ахвика снова поднял голову, – вот скажи, я похож на человека, который ест траву?

Шести футов в росте, он и правда производил впечатление того, кто питается, как минимум, гхарами. По одному в день.

– Тогда вам следовало остановиться в любой другой харчевне, – строго взглянула женщина, – но сами боги привели Вас ко мне, – морщинка между бровей тут же исчезла, и на ее

лице появилось благостное выражение, – им угодно, чтобы ваш путь тоже озарился светом. А с богами не спорят. Так что угощайтесь и оставайтесь здесь, сколько вам угодно.

Ну хоть что-то было в этом положительное. И я, кажется, понял, почему здесь столько свободных комнат – озаряться светом деревенские не спешили.

Делать нечего, пришлось взять ложки и хлебнуть незнакомого варева – которое оказалось ожидаемо безвкусным, но я и вида не подал. Даже стал нахваливать, что для хозяйки было лучше золотой монеты.

– Скажите, милейшая, – я взял виверну за гребень, пока ушастая улыбалась, – нам надо найти одного человека.

– Кого же?

– Шамана местного. Который завесу поставил от метели колдовской, – говорить на местный манер я умел – ко двору приходили самые разные просители, порой из дальних провинций.

– Так он же... – глаза хозяйки расширились, – вы ведь пришлые и не знаете ничего? На Завесу все его силы ушли. Помер он...

Смертью храбрых. Плохая новость, что уж и говорить. Я надеялся, что он поможет Фелу восстановить контроль над силами – и свяжется с Селестаром по воде, а теперь придется положиться на волю богов и способности самого братца. Если мы здесь задержимся, и я не выпью лекарство... Лучше об этом не думать.

Меня не раз посещало ощущение, что я живу в долг. Вырываю у смерти по куску каждые две декады, обманываю судьбу.

Хорошо, что я не дофин. Ему бы подданные не простили неведомую болезнь, от которой наступает смертельная бледность, слабость и неутолимая жажда... всех симптомов я не помнил. Дворцовые лекари давали зелье вовремя.

К слову, все попытки выучить рецепт – чтобы можно было спокойно странствовать инкогнито, о чем я давно мечтал, получали отказ. Вероятно, отец попросту боялся отпускать от себя. А теперь это могло неприятно аукнуться. Но кто же знал, что глупость Фела занесет нас гхар знает куда, и он потеряет контроль над своей магией?

Ничего, ему придется найти способ все исправить. Я уж точно так просто не сдамся.

Глава 7. Милорада, или Горячие пирожки

Комнат, как и ожидалось, хватило на всех. Стоило бы радоваться передышке после безумной встречи с лесными тварями, после непростой дороги до «Больших лопухов», но не получалось. И дело не в еде – шестое чувство подсказывало, что она куда полезнее привычной, меня не отпуская плохое предчувствие. Слишком яркой была реакция эльфов на новость о смерти шамана. Ничего хорошего, конечно, в том, чтобы застрять в изоляции посреди бури, но в глазах Ленсара мелькнула настоящая паника. Чего он так боится? За брата? Возможно, если тот не восстановит власть над силой, с ним что-то случится? Я слышала, что на помощь шамана снарры возлагали большие надежды.

Ну, где же ты, видение?

Царапка уже выбралась из-за пазухи и облюбовала себе местечко на кровати.

В дверь постучали, а затем два дюжих парня втащили деревянную лохань.

– Подарок для госпожи после дальней дороги, – пояснили они и испарились, чтобы вернуться с коромыслами. На каждом было по два тяжелых ведра с горячей и холодной водой.

Чудесно! Но почему сердце все сильнее сжимается в страхе? Кто может напасть на харчевню? Не пройдут ли сквозь шаманскую завесу дикие гхары?

Уходя, один из парней случайно коснулся моего локтя, и ко мне пришло забавное, но бесполезное видение – поборники «правильного эльфийского питания», во главе с ушастой хозяйкой, с аппетитом уплетали мясо. Кстати, подозреваю, что настоящие снарры еловые шишки и лопухи не жалуют, вон как кривился Федор за столом. Ладно, Солнце с ними.

Закрыв дверь на задвижку, я скинула тулуп, платье, шерстяные чулки, исподнее и с наслаждением погрузилась в воду. Хорошо-то как! Каждая заледеневшая косточка оттаивала и расслаблялась. От воды исходил приятный успокаивающий запах, и я, сама того не заметив, уснула.

Проснулась я в чем-то мягком и липковатом, по запаху и консистенции напоминающем... сырое тесто! Сверху закопченный потолок, витают ароматы тимьяна, розмарина и... яичного желтка. Или это продолжение невнятного сна, в котором я убегала от гхарового призрака? Я была спеленута этим белым тестом по рукам и ногам, только голова и торчала.

– Мила! – громкий шепот справа.

– Ленс?! – рядом на... кажется, это все же была столешница... лежало нечто, напоминающее большую личинку-переростка. С человеческой, то есть, эльфийской головой.

Теперь я ясно видела, что желтком было смазано именно тесто, как перед отправкой в печь. Гхар, в печь?! Я желаю немедленно проснуться!

– Тише! – прошипела «личинка», – ты должна меня выслушать. Когда я отрубился в лохани, меня куда-то перенесли, и сквозь полудрему – организм снарров немного отличается от людского – мне удалось кое-что узнать.

– Что?!

– В этой харчевне собираются гребаные сектанты, они верят, что получают некую Силу Светлого Пути, поедая человеческую плоть.

Меня замутило. Когда же этот сон закончится?!

– ...в жертву приносят только путников. Местных, как я понял, не трогают по понятным причинам, – продолжал тем временем Ленс, – кормят ритуальной пищей, отмывают... и в печь.

– А где отец? Где Федор? – до меня начало медленно доходить, что это не сон. А также истинный смысл недавнего видения.

– Отца твоего тут нет, – хоть что-то хорошее, – полагаю, они выбирают только молодое мясо. Вот если бы Фе... дор шандархнул по ним молнией, но нет.

Я проследила за взглядом снарра и с трудом скосила глаз влево – с противоположной стороны лежала «личинка» с головой Федора. Судя по крепко закрытым глазам, он спал, либо пребывал в беспамятстве.

– И что... будем делать? – я, как могла, гнала от себя панику. Получалось плохо, – у тебя есть план?

Ты пробовал... уползти со стола?

В другой ситуации я бы посмеялась над своими словами, но сейчас надо было действовать, как бы нелепо это не звучало.

Сама я попробовала проделать «дырки» там, где находились руки, но тесто прилегалo слишком плотно. Клейкое, зараза, и прочное, как раствор для гнезд у чаек.

– А это идея.

И огромная гусеница неуклюже завозилась.

– Только не упади!

Поздно. Судя по звуку, ушастый собрат по несчастью грохнулся прямо на пол. Остается надеяться, что стол был не слишком высоким, и что тесто смягчило падение.

– Ты там жив?!

– Вроде да, – прокряхтел Ленс, – вот же гхар, не могу подтянуться без рук. Сейчас, попробую зацепиться подбородком...

«Ушами» – невесело подумала я и начала молитву Солнцу.

Я не прощалась с жизнью, нет – поневоле я верила в свое особенное предназначение, хотя и не желала его исполнять (такой вот парадокс), да и снарры, настоящие снарры, не могли взять и просто умереть.

Солнечные эльфы – настолько большая редкость в империи, что сумасшедшие подражатели даже не опознали «оригинал».

А вот и чей-то топот... Не стоило вспоминать о «веганах», ох, не стоило.

– Пирожочки мои, – пропела хозяйка харчевни, – чародейские...

Я ее не видела, но сразу узнала голос, и теперь он показался по-настоящему ненормальным.

– А вот и убежал один пирожочек-колобочек мой... куда же ты от мамочки?

Таким елейным голосом деревенские мамы увещевают малых детей, когда они выкидывают деревянные погремушки, и сейчас это было... страшно.

– Отпусти нас, – Ленс говорил уверенно, как будто точно знал, что дело увенчается успехом. Я бы так не смогла, наверное, – зачем мы тебе? Ты же видишь, что мы снарры.

– Тем более, снартарийские деликатесы здесь редкость.

– Моя семья вам заплатит, – эльф зашел с другой стороны, – много, очень много золота.

– А потом пустит стрелу в сердце, – захохотала женщина, – не держи меня за дуру, пирожочек.

– Я дам клятву перед ликом Солнца. Мой народ никогда не отступает от подобных клятв.

Последовала тишина. Видимо, хозяйка размышляла.

– И все равно, я не могу быть уверена, что ты скажешь клятву, а не пролопочешь детскую скороговорку на своем снартарилле, так что нет, нет и нет.

– Отпусти хотя бы девушку.

Сердце кольнуло. Но не может быть все так плачевно! Отец нас обязательно спасет! Только бы он был жив!

– Еще чего! У нас давно не было невинной девицы.

– Да с чего Вы взяли, что она невинна, – не знала бы, что Ленс старается для нашего спасения, влепила бы сапогом, потом, когда выберемся, – вы ж знаете нравы нынешней молодежи...

Хорошо играет ушастый! Еще немного, и поверила бы в этот пренебрежительный тон.

– Ничего, невелик дефект, – я могла представить, как хозяйка харчевни махнула рукой, – ну что, печь растопилась горячо, пора вам, пирожочки, подрумяниться!

Послышался топот сапожищ, чьи-то грубые руки закинули Ленса обратно на стол, который оказался огромным противнем, и стены поехали. Точнее, мы поехали, напрямик в расплавленное жерло. Да, я обратила внимание, что тут было натоплено, но сейчас с печи сняли затвор, и стало по-настоящему жарко.

Даже за руки не возьмешься, из-за этого теста. Проклятые сектанты!

– Ты сумасшедшая старуха! – в сердцах выкрикнула я, – как бы ты ни пыталась продлить молодость, наша смерть тебе не поможет!

– Надо было нафаршировать тебя яблочками, – движение противня замедлилось, надо мной склонилось лицо злодейки, – ну да ладно. Скоро ты все равно замолчишь.

Вот бы ее саму, да в печку! Эту стерву!

Я забилась в своем коконе, но лишь вызвала смех. Стало слишком жарко, на глаза напал пот, который даже не стереть. Еще и нос зачесался так, что невмоготу. Хоть эту ненормальную проси почесать, в качестве последнего желания.

– Мила, прости нас, – заговорил Ленс, – если бы мы не явились у тебя на пороге, ничего бы не случилось.

– Вы ни в чем не виноваты.

– Виноваты. И ты очень хорошая девушка. Жаль, что все... так глупо... Я хотел сказать... ты мне нравишься... но это бессмысленно, правда... Прости...

– Ты мне тоже... нравишься...

– Как мило! – Лицо сумасшедшей скривилось, и стало видно, сколько на нем морщин, – живее их, в печь!

Ну вот и все. Ноги уже жгло, и от страха хотелось плакать. Я боялась не столько смерти, сколько боли, ей предшествующей. Ведь даже малому ребенку известно, что умирать больно. Настолько больно, что от этого, гхары лысые, умирают!

Солнце, спаси нас!

Ленс что-то бормотал на своем языке – видимо, предсмертную молитву, а я молча глотала слезы и вспоминала отца.

Как вдруг... вокруг разлилось синеватое сияние. Глаза Федора, про которого мы благополучно забыли, открылись и сияли магическим огнем.

– Слава Солнцу! – выдохнул Ленс, – сработала родовая защита стихийника!

Огонь в печи стремительно гас, покатые стены покрывались инеем.

Я дернулась в коконе и он, о чудо, поддался – под влиянием температур?

Хозяюку и подельников отбросило ледяной волной, они лежали на полу сломанными куклами, но мне не было их жаль. Вот ни капельки. Скольких они загубили до нас?

Только бы не навредили отцу! Но страшного видения не было, и я себя успокаивала, что все будет хорошо.

Глава 8. Ленсар

Слава Солнцу, мы спасены. Древняя магия Фела проснулась вовремя, жаль лишь, что ненадолго, и убрать бурю братец все еще был не в состоянии. Так сказать, включился аварийный режим. Потом подоспел отец Милорады, которого держали связанным и запертым в выделенной комнате, перебил охрану – и общими силами харчевня стала нашей. По большей части, все же силой Фела.

– Это значит, что она не ушла насовсем! – уже отмывшись и переодевшись в сменную одежду из дорожных сумок, радостно скакал дофин, – я-то думал...

Если бы он хоть иногда думал, мы бы не попали в идиотскую ситуацию, не подвергли бы опасности кучу других людей. Но я промолчал, чтобы не омрачать общую радость.

– Ленс, я понимаю, – вдруг посерьезнел брат, – я помню, что тебе нужно лекарство. Как скоро?

Цифры, вырезанные в памяти, не требовалось подсчитывать.

– Через пять-шесть дней.

– И что будет, если вдруг... ну ты понимаешь? – с эльфийской физиономии, так похожей на мою, сошли все краски.

– Не знаю, как долго я продержусь. Отец говорил, что с приемом нельзя затягивать. Однажды я увлекся книгой, – тут я имел в виду свою собственную книгу, над которой работал последние месяцы, – и пропустил первые симптомы. Очень сильная жажда, боль в горле и деснах, светобоязнь, слабость... – стало слишком стыдно, – обмороки.

– Простуда, что ли? – брат озадаченно хлопал глазами, а у меня не было даже сил, чтобы злиться на горе-лекаря, – ладно, а тебя не мог никто проклясть? Тебе ли не знать, что болезни для нас редкость. И чтобы одна из них постоянно возвращалась... Немыслимо!

– Кому по силам проклясть снарра императорской крови? Кровь Элвелоров защищает сильнее любой магии, ты это тоже знаешь. Я родился таким.

– Мама сказала, да? – едва слышно, глядя глаза-в-глаза, спросил Феликс.

– Не напрямую, но... да.

– А ее саму не могли проклясть, враги с тех времен, когда она была, ну...

– Фавориткой? – даже странно, что старший брат не может выговорить это слово, по отношению к нашей матери давно переставшее быть чем-то постыдным. Вся империя знает, что выпускница школы укрощения Сайерона Коул¹⁰ привлекла внимание самого императора, стала его фавориткой и затем официальной женой – и каким-то образом их брак возродил способность снарров делиться бессмертием со своей парой. – Исключено. Мы были рождены в законном браке.

– Тогда я просто не понимаю... – он схватился за виски. Хотя можно было бы и за виски – ситуация располагала, – в этой гхаровой деревне должен быть целитель, мы должны обратиться к нему...

И мы оба понимали, почему голос Фела звучит так неуверенно – если лучшие целители империи не сумели меня излечить, то куда провинциальным шарлатанам, если они вообще тут есть. Но был небольшой шанс облегчить симптомы...

– Господа, – постучался какой-то вихрастый мальчонка, – кушать подано.

В стенах этой харчевни кусок в горло не лез, но организм требовал свое.

– Пойдем, брат, – Фел хлопнул по плечу, – прорвемся.

Прорвемся-то прорвемся, только куда? В еще более безнадежную яму?

Готовила на этот раз, за отсутствием местных поварих, Милорада.

¹⁰ История Сайероны и Феликса—старшего из дилогии «Ядовитые узы» и «Сердце терновника»

– Вот это поистине пища богов! – нахваливал Фел, а дочь егеря так мило краснела – под стать своему имени.

А я злился. Конечно, брат теперь герой – хотя что он сделал, постойте? Да ничего, чуть спасение не проспал. Его сила всего лишь среагировала на смертельную опасность, сам он и пальцем не пошевелил. Но в ее глазах герой не я, а Феликс, то есть Федор.

Вот куда пропадает моя способность излагать мысли? Когда я рядом с ней, не могу и два слова связать. Еще и наговорил ей глупостей, что она теперь подумает?

Память напоминала, что Мила ответила «ты мне тоже нравишься», но скорее всего это было сказано, чтобы утешить, подбодрить перед отправлением в последний путь.

Стыд и злость – вот две змеи, что душили меня, когда она смеялась над очередной шуткой Фела-младшего. Конечно, она влюбилась в него – сильный маг, а я... ущербный сын. Насколько ущербный, она пока даже не подозревает.

Я сидел в своей комнатухе и изливал чувства на бумагу – слава Солнцу, здесь нашлись перо и чернила. Хозяйка заботилась, чтобы у постояльцев была возможность послать весточку голубем.

Нет, я не вел дневник – оставлю этот удел девчонкам, я писал новую главу своей книги. Моя печаль удачно ложилась на переживания главного героя, и строчки летели за строчкой.

– Ленсар, – я вздрогнул от звука нежного голоса, – ты совсем не выходишь в общую залу. А мы, вообще-то, обсуждаем план спасения.

– И есть мысли, как унять бурю?

Мила с детской непосредственностью присела рядом на кровать, предварительно разгладив юбку. От одного ее присутствия на душе становилось легче, и черная грусть сама собой рассеивалась.

– Ни одной. А что ты пишешь? Письмо? Разве можно отправить весть в такую погоду? Точнее, непогоду, – она тихонько хихикнула.

– Нет, – спрятал листы за спину, – это другое.

– Расскажешь? – девушка застенчиво улыбнулась. В голубых глазах светился искренний интерес. Не праздное любопытство от скуки, я был уверен, а интерес ко мне. Ей и правда было не все равно.

– Наверное, ты будешь смеяться, – не знал, как начать, – я пишу разные истории.

– Сказки? – Милорада выпрямилась и чуть наклонилась вперед.

– Ну... можно и так сказать, – еще не слышал такого определения своим романам, – только их лучше не давать читать детям.

– Почему? – кажется, она чуть не подпрыгивала от любопытства, – они настолько... страшные?

– Порой и такое встречается, – не стал отпираться, – а иногда там встречается... – я замялся, – про любовь.

Думал, что она начнет смеяться, как делал Федор... тьфу ты, Феликс, но наша подруга по несчастью оставалась серьезной.

– А ты любил когда-нибудь? – задумчиво замерла Милорада, и я некстати вспомнил свое глупое вчерашнее признание – «Ты мне нравишься».

– Конечно. Матушку, отца. Брата, – улыбнулся и соскочил с покрывала, попутно сворачивая бумагу в свиток и пряча в рукав. Тем самым показывая, что тема исчерпана.

Мила спустилась следом.

– А дашь почитать?

Она смотрела, как смотрел я на матушку, когда просил почитать перед сном. И на сердце стало легко-легко.

– Когда буря уляжется, обязательно.

Вот только в деле Феликса, по словам дочки егеря, пока не было и намека на прогресс. Когда мы с Милой спустились в едальню, как здесь назывался общий зал, я отметил, что дверь подперта здоровым брусом, а ставни плотно заперты.

– Теперь мы здесь одни. Немногочисленные постояльцы разбежались, когда случилось... это, – пояснила девушка и устремила на кухню.

Наверняка члены той же секты, скатертью дорожка. Плохо только, что они могут начать чинить бесчинства над простыми людьми. Надо взять деревню и вообще Север под более пристальный контроль, когда мы вернемся. Если вернемся.

Ахвик молча сидел за большой кружкой эля, а братец за другим столом... считал деньги. В трескучем свете масляной лампы раскладывал столбики золотых, серебрушек, медяков... С каждой монеты смотрел вдаль благородный профиль отца. Их Фел задерживал в руках чуть дольше положенного, а иногда обводил рельеф пальцем. Не ошибусь, если скажу, что наследный принц скучает по дому.

– А, наконец ты здесь, – брат поманил к себе и одним махом сгреб деньги в бархатный кошель, – пойдем ко мне в комнату. Или к тебе, что ближе.

– Скажешь, что случилось? – лихорадочный блеск голубых глаз мне не понравился.

– Да вот... – первая дверь оказалась моей, и Фел открыл ее с ноги, – я подумал... Наш дед по матери владеет магией артефактов. Так?

Я кивнул, не вполне понимая, к чему он клонит.

– Орденские маги впихивали в мою голову невпихуемое, например, основы каждого вида магии. Но кое-что я все-таки помню!

– Ты пытаешься создать артефакт из монеты? – а что, если на мгновение предположить, что дедова кровь дала свой отголосок... Но в таком случае в равной степени она могла проявиться и во мне.

...Или, что вероятнее, не проявиться ни в ком из нас, раз ее до сих пор не обнаружили лучшие учителя. Но попробовать стоило.

...Шел второй час. Мы с Фелом пытели над монетами, как два котла, но без толку.

– Вспомнил! – осенило братца, – нужна кровь!

– Чья? – поморщился. Меньше всего хотелось уподобляться бывшей хозяйке таверны, совершая жертвоприношения.

– Наша, – «обрадовал» брат, – да не бледней так, всего пара капель. Нужен активатор, иначе не сработает.

И он первым уколол палец кинжалом.

– Твой черед. Или маленький Ленс боится?

– Да иди ты к гхару лысому, – взял свой клинок, но задержал, прежде чем сделать резкое движение.

На благородный профиль отца упала капля – густая, темно—бордовая. Феликс тоже это увидел и воззрился на меня удивленными очами. Его собственная кровь была такой, как и полагается снаррам, солнечным эльфам – с яркими золотистыми вкраплениями, а моя...

Мы одновременно подумали об одном – о моей болезни, из-за которой даже такая малость отличалась.

Снова не такой, но я даже не подозревал, насколько...

Спать ушел пораньше, не желая засиживаться за общим столом – портить кислой физиономией вечер? Ахвик травил байки про свою бурную молодость, брат и Мила беззаботно смеялись, и в глубине души я был рад, что хоть кто-то может отвлечься от всего дерьма, в котором мы все еще по уши. Магия Фела не торопится возвращаться, с артефактом мы потерпели поражение, вокруг деревни все так же бушует буря. А если шаманская стена падет и не сможет удерживать напор стихии? У отца есть друг-истайр, лунный эльф. Вместе с многочисленным

семейством он не раз бывал у отца в гостях, и я любил выпрашивать всякие интересности, чтобы потом использовать для своих историй. Однако Кайл, так звали иштайра, шаманом и близко не был, а потому тот опыт ничем не мог помочь.

Сон принял меня быстро. Мысли копошились где-то рядом, на границе сна и яви, а потом перебрались в район горла жалящими насекомыми. Распахнув глаза, я с ужасом понял, что НАЧАЛОСЬ. Это началось. Приступ. Только вопрос времени, когда руки начнут мелко дрожать, от них уже отхлынула кровь, и конечности смотрелись дико пугающе с абсолютно белыми пальцами. Что будет дальше? Я не знал – во дворце вокруг меня всегда бдили лекари, а здесь я предоставлен самому себе и судьбе.

А, быть может, все происходит ровно так, как должно быть, и меня по хорошему стоило давно придушить, чтобы не мучился? Сколько можно обманывать смерть?

Ну нет. Злость поднималась из глубин, о существовании которых я не подозревал, и душила сильнее жажды. Этой ненормальной, неумной жажды.

– Воды... – прохрипел и на одной силе воли встал с постели. Правда, тут же уцепился за спинку кровати и только так остался на ногах.

– Воды! Кто-нибудь... помоги...те...

Ахвика слышно не было, а вот из соседней комнаты доносились подозрительные звуки. Нет, не может быть! Мой брат не настолько урод, чтобы увести МОЮ девушку, даже если я все отрицал. Фел не дурак и все видел. Или они выпили столько, что уже все равно? Наверняка егерь пошел по шляхам, и дофину тоже захотелось поразвлечься.

До чего паршиво – я согнулся пополам, разом лишившись сил бороться. Но, услышав вскрик боли – той самой, что делает девушку женщиной, замер, на мгновение лишившись всех чувств. Приподнялся на локтях – руки сотрясала противная мелкая дрожь, и пополз. Уже не за водой – подспудно понимая, что не поможет. Меня, как дикого зверя, вел запах.

Он заполнял все пространство, этот тяжелый запах крови, забивался в нос, уши и горло. Душил и скручивал тошнотой.

– Вот видишь, ты смог это сделать, – голос Милорады, в котором угадывалась подбадривающая улыбка.

Это что же, мой братец настолько плох, что ему требовалась поддержка? В такой момент? Феликс тяжело дышал, я прекрасно слышал обострившимся слухом, а потом нервно рассмеялся.

– Ты права, все оказалось не так страшно.

Я прополз мимо соседней двери, мои руки хватались за стены как два бледных паука, но голоса доносились снизу. Ошибся, они были на первом этаже. Или я увяз во времени, как в тягучем киселе, и эти двое успели спуститься?

Перегнувшись через перила, я увидел, как Фел-младший... устраивает на крюке под потолком огромную свиную тушу. Это ее кровь... которую Мила пыталась собрать с половиц большой серой тряпкой.

Облегчение – и осознание себя дураком – потонуло в новом обострении приступа. Десны горели от боли, и пришлось прикусить язык, чтобы не закричать во все горло – которое тоже пылало огнем.

– Ленс, брат! – Фел запрокинул голову и, слава Солнцу, мгновенно сориентировался. Плохо, что Мила увидела меня таким – впрочем, скоро мне станет все равно.

Кажется, Феликс дотащил меня до кровати, а потом на глаза опустилась блаженная темнота.

Глава 9. Милорада

– Что с ним? – я беспомощно смотрела на Федора у кровати Ленсара. Вот ведь судьба у них – то один «спящий принц», то второй.

– Все сложно, – снарр отошел и придвинул мне стул, – садись, расскажу. С самого детства – подозреваю, что с рождения, у него это происходит. Приступы, два раза в месяц. Мать говорит, это редкая врожденная болезнь.

– Но снарры почти ничем не болеют... – ни к месту блеснула знаниями из пыльных книжек, – прости.

– Верно, но из любого правила находится исключение, – Федор хмуро уставился на бледный лоб брата, с бисеринками пота – мой отец уже пошел искать целителя, и ожидание было невыносимо.

Я пыталась пристроить к снарру Царапку – у меня она неплохо снимала головную боль и не только, но кошка шипела, как гадюка, и наотрез отказывалась приближаться.

Я перевела взгляд на больного, и в памяти всплыло недавнее видение с бледным юношей в богатых покоех. Тогда ему давали лекарство...

– Это моя вина, – бормотал Федор, уронив голову на руки, – если бы не моя глупость, мы бы не оказались здесь, не застряли бы здесь... – и чуть слышно, – отец убьет меня.

– Не смей хоронить брата! – сама от себя не ожидала, каким властным окажется тон, – скоро придет целитель.

– Простой деревенский знахариска, и то, если повезет! – у мага начиналась настоящая истерика, – лучшие столичные лекари бились над лекарством, а тут... – не понимая лица, он что-то забормотал на своем – наверное, молитвы. А мне подумалось, насколько иначе вел себя Ленс, когда был болен Федор. Тогда я не обращала на это внимания, но теперь было ясно видно, что за снартарийской красотой Федора скрывается мальчишка, в то время как Ленс был... мужчиной.

И сердце заходило от беспокойства за его жизнь.

«Мила, ты мне нравишься», сказал он, как считал, перед смертью. Я бы многое отдала, чтобы услышать это еще раз.

Да, меня все еще тревожили ранние видения, но они становились все более зыбкими и расплывчатыми, как обычный сон после пробуждения. Образ настоящего Ленса – не иллюзорного – того, кто сидел со мной рядом и рассказывал о своих книгах, был куда ярче. Зеленые глаза с золотистыми вкрапинками все те же, но почти не пугают... скорее, притягивают. Только бы он снова их раскрыл.

Прошло не меньше часа, прежде чем снизу послышались торопливые шаги – тяжелые отца и вторые, незнакомые. Слишком легкие, чтобы быть мужскими. Так и есть, женщина. Достаточно молодая и красивая некой ирреальной, фарфоровой красотой, с иссиня-черными косами, переплетенными красной шерстяной нитью, и очень светлой кожей. Неужели... ведьма? Но не такая, как Лейра со стайринской кровью, а... из тех...? О которых ходит нехорошая молва? Никто доподлинно не знает, существуют ли они на самом деле, но нет дыма без огня.

Эта женщина молча приблизилась к Ленсу, и я незаметно коснулась ее рукава, надеясь вызвать видение. Солнце Милостивое! Меня обдало волной ледяной силы и на миг оглушило, как при падении в ледяную прорубь. Да меня подняли за шкуру, как несмышленного котенка, и швырнули туда. Все-таки байки не лгали... Только от смерти исходит такой холод, это знание пришло изнутри и было нерушимо.

Царапка не подавала признаков присутствия – как же хотелось последовать ее примеру и забиться куда-нибудь в угол, но оставить Ленсара было еще страшнее.

– Отец... – знал ли он, кого приводит в дом?

– Молчи, дочь. Госпожа милостиво согласилась помочь.

«Госпожа» водила руками над неподвижным телом, а мы с Федором переглянулись – какова вероятность, что эта благодетельница окажется лучше предыдущей любительницы выпечки?

Но выбора не было, и мы лишь молча наблюдали, готовые к действию в любой момент.

Руки черноволосой задержались над головой снарра, и на точеном лице почудилась усмешка.

– Что с ним? – не выдержал Федор.

– Он проклят Солнцем, – женщина повернула к нам белое лицо, – с рождения.

При этих словах снарр сравнялся по цвету с ведьмой.

– Почему я должен Вам верить... госпожа? – даже привычного лоска и обходительности не осталось. Обращение было добавлено скорее с иронией.

– Можете не верить, – она одарила его тяжелым взглядом, от которого даже мне стало не по себе, – я не настаиваю, милорд.

– У него такие приступы с детства, – сменил тон солнечный эльф, – но лекари с ними справлялись.

Помогите нам. Я заплачу столько, сколько скажете.

Грудь сдавило в страхе – что ответит ведьма?

– Он с рождения со свитой теней, что следуют за ним. Он давно предназначен Серебряным полям, но также послан этому миру.

– Это значит, что Вы не поможете? – голос Федора упал.

– В моих силах определить болезнь, но ее здесь нет. Договаривайтесь с Солнцем сами.

Это как же – прирезать барана на жертвенном алтаре? Закатать в тесто?

И она ушла, окутанная темной аурой, из-за которой ее не посмели остановить.

– Отец, кого ты привел! – наконец я смогла высказаться.

– Обыкновенная шарлатанка, – на счастье или на горе, батюшка ничего не понял, – побоялась связываться со снаррами и пошла на попятную. Тьфу!

Если бы шарлатанка. Если бы я могла поговорить с ней наедине!

Но, возможно, лучше провести время наедине с больным. Да, было безумно страшно увидеть что-то скверное, но какие еще варианты? Когда мы распределили время дежурства, и настала моя очередь (отец с Федором вместе ушли на поиски другого знахаря), я с трепетом приблизилась к высокому лбу.

«...Высокая черноволосая девушка, немногим старше меня, входила под купол солнечного храма, какие я видела на гравюрах. Одетая в кожаный костюм погонщицы драконов – это особая элитная каста при дворе, насколько я знала, а ей навстречу ступала древняя старуха в белом балахоне жрицы. Верховной жрицы, судя по количеству бряцающих украшений на поясе. Той самой верховной, чье место мне прочила Лейра.

– Ты хочешь узнать о сыне, – войдя под тень купола, старуха скрестила ноги на циновке и махнула рукой в приглашающем жесте, – но я спрошу – говорить тебе все или только часть увиденного?

– Делайте так, как будет лучше для него, – дрогнувшим голосом ответила черноволосая и добавила после недолгой паузы, – расскажите все.

– Что ж... боги поведали, что Ниарис породил необычное дитя. Долгоживущее, как представители снартарийской расы, но источник его долголетия в человеческой крови, ибо это дитя от смертной женщины, что испила из снартарийских вен. Часть его от эльфийской природы, часть от человеческой, и связаны они ядовитыми узлами греха. Продолжать?

Словно примороженная к месту, девушка медленно кивнула. А хриплый старческий голос продолжил:

– Солнце отвернется от его потомков, сгорать они будут под его лучами, как в очистительном огне. То плата за преступление закона жизни, за противоестественный грех, за оскорбление солнечных эльфов. Назовут пьющих кровь вампирами, в напоминание о грехе вампиризма, совершенном снарром и тобой, – взгляд Смеи уперся посетительнице в лоб.

– Но это Он оскорбил собственную расу! Оскорбил богов! Он принудил меня... Почему должен расплачиваться мой ребенок?! – девушка не замечала, что повысила голос на самую верховную жрицу, – почему не Фил?!

– О, Сияющий расплачивается, и расплачивается жестоко, – старуха усмехнулась, – он исповедовался в страшных видениях, приходящих к нему по ночам. Мне неизвестно, насколько они правдивы, но мучения его реальнее некуда.

– Но это не уменьшает несправедливости по отношению к моему сыну, – черноволосая погонщица кусала губы, – скажите, он может прожить обычную человеческую жизнь, если не будет пить кровь?

– Ты сама знаешь ответ на этот вопрос, – синие глаза жрицы смотрели серьезно и печально, – без нее он зачахнет, как растение без воды.

– Вы видите его судьбу?

Старуха покачала головой, но гостя не сдавалась.

– А ваше «проклятие Солнца» нельзя обратить? Я принесу любую жертву, если потребуется... отдам жизнь...

Под взглядом жрицы голос девушки слабел, пока окончательно не затих.

– Мне сие знание неизвестно.

– Простите, мудрейшая. Могу ли я задать еще один вопрос?

– Говори, – ответ был одобрительным, но в воздухе чувствовалось едва уловимое напряжение.

– Чисты ли помыслы Сияющего? Могу ли я вверить ему безопасность сына?

– Есть в этом некая божественная ирония, – молодые глаза старухи сверкнули, – если кто и способен помочь тебе, то только он.»

Меня вынесло из видения резко и неприятно – словно изо всей силы толкнули в грудь. Когда круги перед глазами рассеялись, я перевела взгляд на больного.

Или лучше – проклятого? Видение странным образом подтвердило слова колдуньи, но породило еще больше вопросов.

Кто та девушка? Судя по всему, мать Ленса. И Федора – то ее глаза. Необычайной синевы.

С ней говорила верховная жрица Смея, отошедшая на серебряные поля лет тридцать назад. Отец парней – некий снарр по имени Фил. Поймала себя на мысли, что с жадностью скупщика древностей ищу любую мелочь, относящуюся к Ленсару.

Черноволосая погонщица согрешила с этим снарром – выпила его кровь. Как только их пути пересеклись, но она из столицы, так что все возможно. Но чтобы солнечный эльф дозволил поделиться кровью... тем более, «принудил»... я слышала сказки о том, что она способна исцелить недуги и даже вернуть с того света. Значит, не сказки. И, как оказалось, за подобное следует суровая кара.

Кто же ты, Ленсар? Вампир... Слово звучало непривычно и пугало неизвестностью.

Но я предельно точно поняла, что спасет его. Кровь. Те первые видения с ним были связаны с кровью. Шея отозвалась фантомной болью, напоминая о видениях. Солнце... неужели мне суждено погибнуть под клыками зверя?

Но страха, того ужаса, от которого я пряталась под одеялом, не было. Глупая. Мне бы думать о своей жизни, а не о губах снарра, которые должны коснуться моей кожи.

От этой мысли я едва устояла на ногах. Я ненормальная, сумасшедшая. Мало того, что позволила себе увлечься солнечным эльфом, так еще и проклятым.

Догадываюсь, что за лекарство ему давали дома. Донорскую кровь. Хм, вряд ли ее было много, и вряд ли кто-то от этого пострадал. Если я наберу немного своей...

Я молнией метнулась на кухню за ножом и кружкой. Прикусила губу, когда лезвие обожгло ладонь. Тяжелые маслянистые капли падали на жестяное доннышко. Слишком медленно, слишком мало. Я сжала руку в кулак, чуть не закричав от боли, но процесс пошел быстрее.

Возможно, этого хватит. Перевязала ладонь найденной тряпицей и поднесла кружку к губам Ленсара.

Только бы подействовало, только бы... Солнце, это же снарр, а снарры всегда были твоими любимыми детьми. Помоги!

Мне пришлось приподнять голову больного и насильно разомкнуть челюсти.

Опоздала... Неужели я опоздала?! Ленс не реагировал. Сам он был белее мела и напоминал прекрасную мраморную статую.

Случайно коснулась его руки и поразились холоду. Да он едва дышит! Нагнулась к лицу ниже, держа тонкое блюдце. Спустя полминуты оно слегка помутнело.

Положила ладони на грудь снарра, и сквозь рубашку с трудом ощутила движение жизни. Сердце едва билось.

– Ленсар! Если ты меня слышишь! Не смей!

Собственный голос показался слишком высоким, срывающимся и каким-то незнакомым.

Что же мне делать?

В отчаянии сорвала повязку и приблизила к его губам дрожащие пальцы. Ближе, еще.

Сердце рвалось из груди, так, что его неистовства хватало на двоих.

Но ничего не происходило. Рука упала плетью, и я сползла на деревянный пол. Мой дар бесполезен. Все краски потускнели, мне впервые открылся полный смысл этой книжной фразы.

– Милорада...

Я чуть не подскочила – как Ленс умудрился оказаться рядом? Копируя мою позу, потянув колени к подбородку? Плечом к моему плечу? Но это не главное.

– Ты жив!

Заглянув ему в глаза, я отшатнулась – они были ало-багровыми, как и кровь на его губах.

– Мила... Ты вкусная, – голос его, но взгляд чужой. Незнакомый.

И интонации тревожат неведомые струны внутри меня. Понимаю, что не убегу при всем желании, что сейчас снарр ловчее и быстрее, чем когда-либо. И его лицо так близко к моему.

Красивые пальцы откинули мои волосы с плеча, крылья носа едва заметно трепетали. Снарр был прекрасен противоположной, пугающей красотой.

Я забыла, как дышать, когда его губы коснулись жилки на моей шее.

«Ленс», выдохнула я мысленно, потому что тело мне не подчинялось. Если бы я не сидела у кровати на дощатом полу, а стояла на ногах, то наверняка пошатнулась бы и упала.

Его лицо было нереально близко, я могла касаться мягких волос и мраморно-белой кожи, но не смела.

В какой-то момент давление губ стало сильнее, вызывая рой мурашек, и я закрыла глаза. Лучше бы я этого не делала! Легкие прикосновения перешли в откровенно дразнящие, он... смаковал каждый участок моей кожи, открытой платьем. Хорошо, что круглая горловина на шнурке довольно высока, но не успела я этому порадоваться, как Ленс рванул завязки, обнажая мое правое плечо.

Все в этом неправильное, противоположное и веющее осязаемой опасностью, но стоило допустить подобную мысль, как ледяные руки – в противовес горячим губам – прижали

меня теснее к себе – и со стороны мы, должно быть, смотрелись вполне невинно, сидя рядом, как дети. Но только со стороны и под покровом полумрака.

Какой бы зверь не проснулся в нем, он жаждал крови и... человеческого тепла. Это происходило одновременно, жажда и страсть, и готовилось сплестись в смертельном объятии.

Я словно пребывала в полусне, понимая только одно – мне нравится. Даже если я сейчас умру, то ни о чем не пожалею. Притупились все эмоции, потускнела память о прошлых годах, я находилась в ограниченном отрезке времени и пространства, очерченном ведьминым кругом. И, как заколдованная струна, была настроена на одно чувство – такое же сильное желание.

Оно скапливалось там, где Ленс терзал кожу странными, неистовыми поцелуями... и почему-то внизу живота, где все горело и трепетало.

Я была на краю сознания, когда шею коснулся холод, почти сразу сменившийся пьянящим жаром – его губ... моей крови, стекающей за воротник...

Ленс пил меня, забирая душу и принося освобождение.

Глава 10. Ленсар

Меня подкосил приступ. Честно говоря, я ожидал худшего, еще по прибытию в Большие Лопухи нарисовав себе долгие немеренные страдания, но все произошло на удивление быстро. Привычная фаза симптомов, лихорадка, а потом темнота забрала меня, милосердно притупив страх. Я просто плыл по течению черной реки и временами видел сны. Алые сны, это казалось важным.

Порой всплывало лицо матери, отца и брата, но все чаще я видел Милораду.

Да, все чаще – ее. Последний сон был невероятным, стыдным до жгучего чувства в груди и... восхитительным, как стремительный полет в облаках.

Я целовал Милу – почему-то в шею, переходя на белое плечо, и ей нравилось. Гхар побери, она меня не оттолкнула! Отвечала не Фелу, искушенному во многих вопросах, кроме прямых обязанностей дофина, а мне. Второму принцу Ленсару. Нет, просто Ленсу, ведь даже наши титулы ей неизвестны. Хм, ответ прост – потому что это всего лишь сон. Видения, навеянные лихорадкой.

А еще меня переполняла энергия. Никогда еще я не чувствовал себя настолько сильным, быстрым и ловким, как в этом сне. Насколько счастливым.

Поэтому возвращение в реальность встретило болезненным разочарованием. И, получается, я все еще жив, раз чувствую этот пронзительный холод утраты безумно важного? Ведь мертвецы, насколько мне известно, не чувствуют ничего.

Я до последнего тянул и не открывал глаза, но едва слышный стон разорвал тишину дурным предчувствием. Мила... на моих руках... вся в крови!

Да, в первое мгновение так и показалось, что с ног до головы, но когда я обуздал панику, справедливо решив, что она мне точно не помощник, то смог рассмотреть детали.

Платье девушки напиталось еще теплой багровой влагой, и я разорвал ткань, плюнув на приличия – какие, к гхару, приличия, когда нужно осмотреть рану. Уложил Милу на постель – теперь мы поменялись местами – и метнулся к тазу с водой, в котором смачивали мои компрессы. Кто в мое отсутствие посмел сотворить такое? К счастью, нашелся и кусок чистой тряпицы. Как мог, подрагивающими руками, я обтер тело, но... раны не обнаружил. Если не считать за ранение несколько красноватых точек на шее и у ключицы, как от укуса насекомых. Или змеи. От их вида меня накрыло странное чувство, словно приблизился к разгадке и вот-вот пойму, но ответы ускользнули, как предрассветный сон.

Все очень странно – словно кто-то пролил кровь НАД ней, как в древних ритуалах, но, в таком случае, чью? И почему Мила не приходит в себя? Дышит, да, но в остальном слишком бледна и слаба.

Нюхательных солей здесь явно не держали, поэтому я похлопал ее по щекам – стараясь не переборщить.

Получилось! Придворный лекарь Вейден мною бы гордился. Смутно мелькала мысль о моем чудесном исцелении, но тут небесные глаза Милы распахнулись.

– Ты жива!

– Л-ленс... – в ее глазах было узнавание и... легкий страх.

– Скажи, что с тобой случилось! Кто причинил тебе вред? Нет, подожди, ничего не говори! – налил в кружку укрепляющего отвара, опять же, подготовленного для меня, и поднес к ее губам.

Милорада сделала глоток, а взгляд то и дело возвращался к моему подбородку и ниже. Что-то не так?

– Я... в порядке, – дочь егеря попыталась сесть, но пошатнулась и упала на подушку, – а ты? Вижу, тебе гораздо лучше.

Она слабо улыбнулась, и у меня немного отлегло от сердца – ровно настолько, чтобы осознать приглушенные до того ощущения. Например, неприятной влаги на левом боку и запекшейся корки на лице.

– Я ничего не понимаю, но мне лучше прежнего, – да, в остальном меня все так же переполняла сила, – но кто навредил тебе?!

Она молчала и... отводила глаза.

– Милорада, скажи мне! Ты же понимаешь, как это важно. Твой отец дома? Надо проверить двери...

– Постой.

– Да, Мила?

– Приходила ведьма, знахарка...

Я напрягся. Егерскую дочь совершенно не заботили взлом и нападение, она так спокойно говорила про какую-то знахарку, что наверняка приходила ко мне. Это было так неправильно. Будто мир сошел с ума, а потолок поменялся местами с полом.

– Она сказала, что ты проклят, Ленс. Это не болезнь, а проклятие.

Что-то подобное я подозревал, но не позволял мыслям развиваться.

– Она меня исцелила, но что с тобой? Ты мне ответишь, наконец?!

– Ведьма не исцеляла тебя, ты... все сделал сам.

И она так поспешно отвела взгляд от моего подбородка, что я метнулся к единственному старому зеркалу – наполовину почерневшему от времени, но оно позволило увидеть запекшуюся кровь. Много, очень много крови. Провел языком по губам и поморщился от терпкого соленого вкуса.

Что-то он мне напоминает. «Лекарство»...

И в памяти всплыли отрывистые картинки – мы сидим с Милорадой вдвоем, я наклоняюсь к ее шее, на белой коже появляются проколы от небольших и острых, как бритва, клыков.

Автоматически провел языком по губам и, к счастью, ничего такого не обнаружил. Но я был уверен, что оно там было! Солнце, кто-нибудь, уберите это из меня!

Дикому желанию броситься к тазу с водой и отмываться, пока не сдеру кожу до костей, помешало только одно – состояние Милорады.

– Я выпил твою кровь, – произнес, не до конца веря в то, что у меня повернулся язык. Пусть Мила посмеется, пусть найдется любая другая причина для произошедшего, но, пожалуйста, во имя всех богов, пусть это окажется дурным сном!

– Сядь рядом, – тихо попросил Мила – скосив на нее один глаз, увидел, что она уже запахла одежду, – мне нужно сказать кое-что важное.

Она не отрицала.

– Чтотмо еще важнее? – из меня рвались то ли рыдания, то ли хохот, – мне лучше держаться от тебя подальше. От тебя, ото всех. Прости, если сможешь.

– Я уверена, что вас с братом занесло в наш богами забытый край неспроста, – Мила приподнялась, отпив отвара из кружки, – ты должен был узнать правду. На все воля Солнца, не вини себя.

Наверное, в ее словах был смысл. Но я только недоумевал.

– Почему ты не бежишь от меня? Не ненавидишь? – мой голос все-таки сорвался.

– А должна? – Мила ровнее села на кровати, – ты ни в чем не виноват. Ты родился таким, ты не можешь этого изменить. Какой смысл ненавидеть себя за то, на что ты не можешь повлиять? Просто потому, что это уже свершилось.

– Я... не могу этого принять. Всю жизнь от меня скрывали правду, – не понял, в какой момент сгоряча хлопнул ладонью по дубовому столу, и тот жалобно скрипнул. Не замечал раньше за собой такой силы, хотя и слабаком никогда не был – снапп, все-таки. И нас с братом всегда тренировали лучшие учителя.

– Твои родители оберегали тебя, – голос Милы был таким успокаивающим, что хотелось закутаться в него, как в кокон, но нельзя забывать, что я для нее опасен. Страшно подумать, что могло случиться, оторвись я от нее чуть позже. Спустя каких—то полчаса или меньше передо мной лежал бы хладный труп. Я внутренне содрогнулся, стремясь стереть из головы эту картинку, но она настойчиво маячила перед глазами. Мила, белая как снег. С широко распахнутыми глазами, навеки застывшими в одной точке.

И да, насчет родителей она была права. Отца с матерью вела любовь, они наверняка надеялись, что я никогда ни о чем не узнаю. И не догадался бы, по крайней мере ближайшие пятьсот лет, пока не набрался мудрости, свойственной эльфам-старожилам. К слову, отец весьма молод по снартарийским меркам, всего-то двести пятьдесят лет. Ерунда по сравнению с главным погонщиком Майлерисом, например. Когда выберемся (хм, хорошо, что я говорю «когда» вместо «если»), есть смысл поговорить именно с ним. Он может что-то знать о моем проклятии, как его снять. Потому что жить с ним я не мог. Каждые две декады пить кровь – даже в виде «лекарства», но зная, что это кровь, все равно будет воротить до тошноты. Но теперь я, по крайней мере, знаю, с чем имею дело. Вовремя принять «лекарство» – и все, живи спокойно до следующего раза. И я больше не ограничен стенами дворца, я наконец-то смогу осуществить мечту и объездить весь мир. Похоже, Мила снова сокрушительно права – боги сами привели меня сюда, в эти забытые Солнцем Большие Лопухи.

– Ты расскажешь об этом? Кому-нибудь? – родился новый животрепещущий вопрос.

– Кому? И зачем? – она потуже подвязала воротник, чтобы скрыть следы укуса, но платье по хорошему все равно следовало поменять. Как и мою одежду. В качестве компромисса, мы оба накинули плащи.

– Отцу, например. Или моему брату.

– А что это изменит? – Мила не переставала поражать своей мудростью, – отцу эти знания не пригодятся, а говорить или нет своему брату – решать только тебе.

– Что говорить? – донеслось с порога и тут же переросло в радостный вопль, – ты очнулся!!! Ленс, братишка!!!

Я неуверенно сжал Фела в ответных объятиях, и тот чуть поморщился (неужели от боли?), не переставая радостно посмеиваться.

– Вижу, тебе и правда стало легче. Ты исцелился?!

– Должно быть, Солнце помогло, – отмахнулся я, не зная, что сказать. Конечно, скрывать от брата всю жизнь я не собирался, но сейчас был... мягко говоря, не тот момент. Не сейчас, когда его глаза сияют счастьем. И когда я сам не до конца понимаю, как реагировать на правду о себе.

– Вы должны это видеть! – влетел взмыленный Ахвик, и неизвестно, что бы я вообразил в обычном состоянии, – Стена, то есть метель, исчезла!

Я понял, о какой стене речь – когда оборачиваешься назад к шаманской границе, выюга за ее пределами стоит как непреодолимая серая стена во все небо.

– Это правда? – не ожидал, что все будет так просто, и чуть не расхохотался – исчезни она днем ранее, ничего бы не случилось, я бы ничего не узнал, – Фел... Федор, твоя сила вернулась?

– Скорее всего, это работа отцовских магов, – улыбка братца чуть потухла. Наверняка, пятой точкой чувствует, какой нагоняй получит от отца. Мать на сносях, а он заставляет весь двор с ума сходить от беспокойства. О Солнце... надеюсь, с матушкой и ребенком ничего плохого не произошло.

А спустя пару мгновений деревянную клетушку помещения озарил свет телепортационного кристалла. Спаси Солнце нас всех. Отец. Никогда не видел его таким – карающим и безжалостным, словно вырванным с поля битвы. В простой воинской одежде, с легким мечом на поясе и луком за спиной, он цепко осматривал все, что попадало под прицел его знаменитых изумрудных глаз, столь редких для снарров.

Испуганным мышонком замер Феликс-младший, и не скажешь, что дофин, Ахвик начал что-то понимать и согнулся в поклоне, а мы с Милой просто смотрели на императора во все глаза.

Неужели она тоже поняла, кто перед ней? А отец почему-то зацепился взглядом за нее, заставив девушку поежиться. Даже что-то пробормотал себе под нос, и раньше я бы не разобрал, но усилившийся слух, улавливающий дыхание всех присутствующих, угодливым доносчиком передал – «Клер? Нет...»

Новый взгляд-выстрел настиг Фела, и вот уже брат верещит, как поросенок, когда его при всех отгаскивают за чувствительное эльфийское ухо.

– Это я прошу прощения за эту сцену, – изящно кивнул Феликс Элвелор, уже спокойнее оглядывая Милу и почти не обращая внимания на егеря, – а с вами обоими мы поговорим дома.

Третий выстрел достался мне – но куда более щадящий. А вдруг... мелькнула мысль... вдруг отец всегда относился ко мне как к... больному? Как к... не такому? И, соответственно, предъявлял другие требования.

Нет, ну так можно до чего угодно додуматься – просто дофин разгильдяй и гуляка, каких мало, и батюшка прекрасно об этом осведомлен.

– Отец, – подал я голос, прокашлявшись, – эти люди спасли нас от верной смерти. Вынесли из пурги. Их нужно отблагодарить.

– Да! – с энтузиазмом отозвался Фел-младший, радуясь даже небольшой отсрочке экзекуции, – я бы предложил им достойное место в столице. Возможно, даже при дворе, – при этом он подарил Миле такую улыбку, что я начал закипать.

Глава 11. Милорада

Он явился из светящейся сферы, как бог. Ступил под своды комнатки, сразу уменьшившейся в размерах. Солнечный эльф смотрел прямо на меня, словно узнал. Нет, обознался, и это показалось странным – но быстро забылось.

Я сразу поняла, кто он, по неоспоримому внешнему сходству с братьями. И пусть снарр выглядел всего лишь немногим старше, просто более возмужавшим, но глаза выдавали его с головой.

А когда он схватил Федора за ухо, отпали последние вопросы.

Затем Ленс сказал, что мы с отцом спасли им жизни, и Федор предложил... место при дворе! Немыслимо!

Я никогда о таком не мечтала, а потом, после визита к лесной колдунье Лейре, и вовсе побаивалась связывать судьбу со столицей. Но так вышло, что я привязалась к братьям. Ну же, пусть возникнет видение и подскажет, как быть!

Да уж, женская логика во всей красе – не хочу связывать жизнь с силой провидицы и прошу совета у этой силы.

Услышав слова Федора, снарр-отец разжал ухо сына и смерил нас совсем другим взглядом.

– За спасение наследников престола Снартари Вы, господин...

– ... Ахвик, – еле выдавил ошарашенный отец.

– Господин Ахвик, Вы удостоиваетесь земель и титула лорда. Ваша дочь получит достаточное приданое, чтобы составить выгодную партию либо устроить жизнь самостоятельно на эти средства.

Он говорил что-то еще, про то, что клянется кровью рода, но в ушах запоздало звенели два слова. «Наследники престола».

Значит, перед нами сам император Феликс, дай Солнце больше воздуха! А Ленсар с Федором... Федор, Федор... да никакой он не Федор, а Феликс-младший, дофин империи! Про его брата слухов доходило меньше, а учебник истории из школы Больших Лопухов писали еще до рождения императорских сыновей.

Я не знала, радоваться или огорчаться, как вдруг всплыл скрипучий голос Лейры. «Два золотошерстных кота. Не стань для них мышью».

Золото – цвет династии, и его также можно отнести к цвету волос императорского рода. Не платиновый, а пшенично-золотой. Вспомнила, однако, вовремя, ничего не скажешь.

Правда, у Ленса чуть темнее, чем у брата... Или они потемнели после «приступа».

Этого я точно сказать не могла.

Дни, последовавшие за явлением императора в Большие Лопухи – и нашим волшебным перемещением в белокаменную столицу, происходили словно не со мной.

Ну не могло такого произойти с простой егерской дочкой, распорядок дня которой состоял из охоты, выскабливания шкур и вяления мяса. Пока замок, обещанный нам с отцом, приводили в порядок, мы жили в небольшом каменном домике на окраине Ириссы, как именовалась наша славная столица. Так непривычно чувствовать камень вместо дерева... всегда считала, что жить в таком доме все равно что замуроваться в скальной тверди, но теперь я начинала думать, что и у камня, по крайней мере местного, тоже есть душа.

Он был светлым, резные барельефы – воздушными, и это я еще не видела ни Селестара, «дворца в облаках», ни такого же знаменитого храма. Только два горных пика (какими они казались) на горизонте – разумеется, скрытых за облаками, что чуть мерцали в солнечных лучах.

Поражал и местный климат – отсутствие холода, но и не жара, как я раньше представляла, читая книги. А легкий бриз, доносящийся с побережья, и вовсе заставлял пьянеть от приятной прохлады. А может, мне понравилось носить легкую одежду, совершенно не сковывающую движений. словно сбросила половину своего веса, как минимум, без привычных шкур. Пожалуй, достаточно, чтобы ощутить себя кем-то другим? В чужой истории?

После того, как отец вежливо, но твердо отказался переждать период реставрации в стенах Селестара (и от бала в нашу честь), императорскую семью я не видела. Правда, нам все равно прислали слугу, предложившего услуги экскурсовода, но не в этом суть. Я не знала, чего во мне больше – радости, что я пока точно не стала «мышью в когтях златошерстных котиков», что могу спокойно пережить воспоминания о приступе Ленсара... Или острого сожаления, потому что я банально соскучилась.

И вот сегодня, когда столичное солнце поразительно поздно коснулось земли – никак не могла поверить в существование настолько долгого дня, пока мы с отцом бродили по городу, поедая восхитительный сладкий лед... Так вот, сегодня, на второй день этого столичного сна, когда я уже переделалась в домашнее платье, в окно раздался стук. Похоже на крупную птицу – раньше совы частенько садились к нам на окна – либо... Стук повторился, и я поняла, что вторая мысль оказалась верной – внизу, поднимая с земли мелкий камешек, находился Федор. То есть, Феликс, никак не привыкну. Пойдите, а что он здесь делает в столь поздний час?

Встав на ноги, с нарр меня заметил и улыбнулся.

Я слотнула, обернувшись на звук тяжелых шагов отца – по счастью, скоро затихших. А эльфийский принц с ловкостью дикой кошки взобрался по едва различимым выступам белого камня и теперь смотрел сквозь тонкое творение гномьих стеклодувов. По крайней мере, так убедительно вещал мальчишка-экскурсовод, присланный из дворца.

– Северная красавица меня впустит?

Белоснежная улыбка с нарра сияла даже в сгущающемся сумраке, заставляя неловко улыбнуться в ответ.

Я отодвинула задвижку, и парень оказался внутри с таким проворством, что я невольно подумала о его опыте в подобных делах.

– Ты... Вы... – меня порядком смущал статус наследного принца, да и отец не упустил случая пострадать непутевую дочь, на всякий случай, – что Вы здесь делаете?

– Мила, брось это, – солнечный эльф взглянул так, что мне стало стыдно, – мы же друзья, или как?

– Прости, раньше у меня толком и не было друзей. Из меня никудышный друг, – к ноге прижалась Царапка, разряжая атмосферу, и я с радостью взяла кошку на руки, – ты не должен был сюда приходить. Это... неправильно.

– Отец не узнает, – Федор, то есть Феликс, отмахнулся и полез куда-то под полу куртки, – это тебе.

– Это... мне? – я не могла не узнать гроздь бус, точную копию погибших в славном бою с плотяниками, вот только... Вот только те были высечены из дерева, а нынешние сверкали и переливались всевозможными оттенками алого на рубиновых гранях. И отчего-то перед глазами встала та роковая ночь, когда приступ Ленса перешел в нечто новое, а на нашей одежде запеклась кровь.

– Рябина из рубина, – хохотнул принц, прерывая затянувшееся молчание, – они тебя недостойны, но я надеялся угодить.

– Бусы прекрасны, – я подняла глаза на Феликса, уткнувшись в ярко-синие глаза, – но я не могу их принять. Это слишком дорогой подарок.

– Это ни к чему тебя не обязывает, – легко улыбнулся эльф, и его улыбка словно забрала часть моих тревог, – вы с отцом спасли моего брата, и меня. Что может быть ценнее?

– Твой отец, – все-таки пока не могу поверить, что он – самый настоящий император, – уже щедро отблагодарил нас.

– Да, и я тоже не мог остаться в стороне.

Все-таки они с братом так похожи.

– Спасибо, – слово выползло неохотно, как нечто чужеродное, незнакомое миру драгоценных камней и блистательной жизни.

– Мелочи, – отмахнулся принц и прикоснулся к оконному стеклу, отчего на нем начали расплзаться морозные узоры. Признаться, меня они заорожили куда сильнее блеска рубинов, что все еще болтались у меня в руке – ни надеть, ни убрать куда-нибудь подальше я не решилась.

– Как тебе удалось восстановить магию?

– Да это... – парень замялся, – ковен подсобил. Направил потоки... Но вот опять, не всегда получается контролировать. Просто путь мага – это «жесткая дисциплина и самоконтроль».

Он явно передразнил кого-то из своих учителей и заразительно рассмеялся. Я тоже не выдержала и спохватилась, только когда услышала шаги в глубине дома.

– Пойдем лучше, прогуляемся? – Феликс отреагировал быстро и своеобразно, – ставлю на корону своего батюшки, ты еще не видела ночной Ириссы.

– А это безопасно? – даже нынешняя ситуация была щекотливой, а уж согласиться на прогулку... А если в мое отсутствие зайдет отец? А если по пути приключится нечто ужасное? Но пророческий дар молчал, и безумно красивый эльфийский принц снова ослепительно улыбался...

– Позволь, я тебе помогу, – я не сразу поняла, к чему относилась эта реплика, но взгляд пронзительных синих глаз остановился на бусах, что я все еще сжимала в руке.

Снарр взял их и встал у меня за спиной – чтобы защелкнуть замочек, разумеется. Первый принц империи, надевает мне украшение, подаренное им же... не слишком ли для одной меня? Но когда пальцы эльфа коснулись шеи, меня окунуло в видение – брат дофина, Ленсар, меряет шагами комнату и сжимает кулаки.

Где же ты сам, Ленс? Почему я должна испытывать вину?

Сказать по правде, я втайне надеялась, что меня навестит именно «вампир». До следующего приступа еще нескоро, он знает, с чем имеет дело и не допустит дурного. И нам просто необходимо было поговорить! Или последние события в Больших Лопухах прокручиваются только у меня в голове, а принц давно обо мне забыл?

И к лучшему, наверное. А Феликсу тоже не стоило проявлять излишнее внимание, ни к чему.

– Тебе к лицу... Эй, ты что? Грустишь о родных краях? – дофин уже закончил свое дело и отступил на несколько шагов полюбоваться. Разумеется, от него не укрылась палитра нежелательных эмоций.

– Немного, – пришлось согласиться, тем более я действительно вспоминала о разрушенном доме. Не назвала бы печалью, скорее, тихой грустью над перелистнувшейся страницей.

– Если хочешь, достану для тебя телепортационный кристалл. У меня все отобрали, в качестве наказания и назидания, – судя по беззаботной улыбке, Феликс ни капли не расстроился, – но я не я, чтобы не достать у наших магов.

– У тебя будут новые неприятности, не стоит. Но спасибо, – я наконец улыбнулась, и снарр воспринял улыбку как сигнал к действию.

– Пойдем, или нам останется смотреть рассвет на крышах, без прогулки, – парень двинулся к окну, откуда появился, но я-то не владею навыками скалолазания! О чем и сказала.

– Честно говоря, мне помогла магия воздуха, я же стихийник. Так что не бойся, не упадешь.

– Просто становись на каменные выступы, как будто это полноценные ступени, – шептал снарр на ухо, придерживая за талию в целях подстраховки, – и поверь, они таковыми будут.

– Теперь понятно, как ты выбрался из дворца, – оказавшись внизу, я оглядела наш новый двухэтажный дом, – с твоими способностями. Хорошо, когда магия снова под контролем?

– И не говори, – охотно подхватил эльф, – без нее как без рук, хотя пока я еще далеко не могущественный стихийник, мне многому предстоит научиться.

То, как остроухий отказался от удобного повода произвести впечатление, немало меня поразило. Он должен стать хорошим правителем... когда-нибудь, после своего отца.

Рассказывая забавные истории ученических будней, Фел повел меня через слабо освещенные дворы и парки (вот точно, что заговорил, иначе я бы ни за что не пошла такими делями) и коснулся небольшой калитки в каменном заборе, за которым царил тьма.

Я тоже приложила ладонь к заграждению, но видения не последовало – ни доброго, ни дурного... Еще и снарр словно растворился в воздухе, оставив меня одну.

– Фел?

– Тише, – теплые ладони накрыли глаза – хотя я и так не видела ни зги, – идем за мной. И да, тут тоже ступеньки.

Руки снарра заменил шелковый платок, а мои пальцы легли в его ладонь.

Ступеней оказалось больше, чем я ожидала – и, судя по ощущениям, лестница была винтовой. Башня, вот только я не успела изучить столицу настолько хорошо за пару дней, чтобы понять, какая.

– Потерпи еще немного, – шепнул Феликс совсем близко к моему лицу, слегка смущая. Отчасти именно из-за временной потери зрения.

В момент, когда нога поймала пустоту и нерешительно опустилась на плоскую поверхность, эльф развязал платок.

– Смотри.

За заграждением, что было мне по грудь, раскинулось звездное небо. И над головой, и внизу... По крайней мере, так показалось в первый момент – конечно, то были магфонари, и это их свет чуть вибрировал в ночном воздухе.

– Как красиво...

– Мы на часовой башне Ириссы, – пояснил снарр деловитым тоном дворцового экскурсовода, – возведена всего десять лет назад сразу после усовершенствования нового часового механизма.

– У нас в Лопухах о таком никогда не слышали, – прошептала я, боясь вспугнуть волшебство.

– Теперь твое место здесь.

Слова прозвучали пророчеством, заставив вспомнить лесную ведьму Лейру, а в спину донесся забытый голос из старого сна. «Под ноги верховной жрице лягут все дороги, чтобы привести к предназначению». Но нужно ли мне это?

Хочу ли я посетить прославленный Храм, хочу или боюсь?

– А отсюда днем виден Храм на скале?

– Шш, – Фел протянул руку вперед и чуть вправо, – видишь мигающий огонек? Такой, оранжевый?

– Да.

– Так вот, это ночной храмовый маяк. Чтобы никто в скалу не врезался, – по голосу я поняла, что снарр слова улыбался.

– Не врезался?

– Я о тех, кто летает на лиграссах, ездовых драконах, – загадочно пояснил эльф, – когда-нибудь я тебя прокачу.

– Скажи, Фел, я ведь могу так тебя называть? – повернулась к снарру, и привыкшие к темноте глаза различили кивок, – ты уверен, что наша... дружба не выйдет тебе боком? Ну, – пришлось развить мысль, потому что парень испытующе молчал, – тебя не заревнует невеста, подруга, кто-то еще? Не знаю, какие у вас порядки...

– У меня нет невесты, Мила, – ладони Феликса легли по обе стороны от моих плеч, и я почувствовала себя странно, – если отец захочет династический брак, я напомню ему, как он сам в свое время отказался от брака с фаргонской княжной.

Шепот снарра касался затылка и странным образом волновал – но скорее от новизны ощущений, чем по иной причине. Но еще больше смутил, поэтому я ненавязчиво выпуталась из этих почти объятий.

Какое-то время мы шутили и обсуждали наших отцов – которые, если верить прибауткам Фела, по сути своей одинаковы, будто то император либо обычный егерь, и неловкость сошла на нет.

– Как себя чувствует твой брат? – набралась я смелости, – он здоров?

– Да, – рука снарра замерла на полпути к моему плечу, – я так и не понял, как он преодолел приступ в Больших Лопухах, без лекарства. Должно быть, Солнце помогло, не оставило наш род в тяжелый час. Родители не знают, он запретил мне рассказывать, чтобы не волновать мамушку, конечно...

Думается мне, причина не только в здоровье императрицы, ожидающей третьего ребенка. Он не хочет, чтобы кто-то понял, что ОН ЗНАЕТ. Что тайна больше не является таковой, по крайней мере для него. И что он думает делать? Мне о стольком нужно его спросить!

А еще он обещал дать почитать свою книгу... Нет, Мила, ты и правда дура. С тобой рядом императорский наследник, пусть и глупо считать его женихом (где я, а где он), но постоянно возвращаться мыслями к другому, который чуть тебя не угробил, которого ты видела в кошмарах какую-то декаду назад... Нет, это точно сумасшествие.

А может, меня притягивает именно опасность? Если верить видению, то от Ленса пойдет род новых существ. Новая раса, которая будет... пить кровь. И «сгорать под лучами Солнца», которое отвернется от потомков первого ВАМПИРА. Страшное слово, неужели это и правда про него? Про Ленса? Может, он мне просто немного нравится, ну как парень может нравиться девушке, вот и мозги поотшибало?

Странно, что от прикосновений к его брату сила куда меньше баловала видениями. И то единственное, что сегодня случилось, тоже было про НЕГО!

Да, раньше я бы сказала, что самое необычное, что может со мной произойти – встреча с настоящими снаррами. Но теперь вижу, что это не так. Ленс куда необычней, он единственный в своем роде. И вряд ли ему это нравится.

– Мила, о чем ты сейчас думаешь? – проникновенный взгляд старшего принца мог заставить дрогнуть скалу, а я очнулась, только когда лицо снарра вплотную приблизилось к моему, как будто... для поцелуя. И, как назло, вспомнились губы Ленсара на моей шее, его дыхание над ухом и пальцы, ослабляющие затяжки воротника.

– Я... прости, я очень устала, день был долгим.

– Хорошо, только в следующий раз ты должна увидеть рассвет над Ириссой. Он прекрасен почти так же, как и ты.

– То есть бледный, как северное небо? – я не выдержала и совершенно неуместно хихикнула, – прости.

И на всякий случай отодвинулась, дабы принцу не пришлось в голову что-то наглядно доказать.

Глава 12. Ленсар

Я вернулся домой, в родной дворец с беломраморными колоннами, арками и террасами, но словно бы и не домой. Ведь дом это не просто место под крышей, а нечто куда большее. Семья, защита, покой. Эмоции и атмосфера. Целый мир.

А мой мир перевернулся. Со смесью страха и вызова я ожидал, что отец все узнает. Поймет по глазам, но его занимал другой вопрос. Когда мы остались вдвоем, в его кабинете, он не кричал, не ругался витиеватыми оборотами на снартарилле. А просто без предупреждения метнул по паре кинжалов в каждого... и пригвоздил нас за уши к стене.

Фел ойкнул, но замолчал под тяжелым взглядом отца, который вздохнул и принялся за канцелярскую работу. Изучал бумаги, что-то подписывал – как будто нас тут и не было.

Наконец он запечатал письмо и поднял голову. То ли так действовало его официальное облачение с высоким воротником-стойкой, расшитой золотом, то ли императорский венец на тщательно убранных за уши пшеничных волосах.

– Сегодня я подписал указ о финансировании работ по изменению русла Риставии, главной полноводной реки юга. Разумеется, чтобы спасти от неурожая более засушливые районы. Солнце свидетель, можно изменить течение реки, но нельзя перевоспитать зарвавшихся юнцов!

Отец поднялся во весь рост, и, уверен, Фел тоже забыл о боли от кинжалов, на которых мы висели, как пришипленные куропатки.

– Слава Солнцу, ваша мать не потеряла ребенка, наши лекари сумели ее спасти.

– Но как? Как она сейчас? – вымолвил дофин и получил еще один кинжал, в полудюйме от горла. Намек, что надо молчать.

Нет, отец никогда не наказывал нас физически, а про него самого ходили невероятные слухи, что он нечувствителен к боли благодаря неким давним испытаниям в тайном ордене. Так вот, он никогда не назначал удары плетью и не ставил на горло, но сейчас мне показалось, что его принципы могут измениться.

– Вы оба могли погибнуть, – устрашающе тихо промолвил император, – оба наследника разом. Ни отравителей, ни наемных убийц – вы все сделали сами, облегчая природе естественный отбор. Не найди я вас по совершенной случайности, спустя неделю шаманская стена бы пала. Деревню бы занесло. А Ваша мать не смогла бы выдержать потери обоих сыновей и потеряла бы третьего.

Костяшки его пальцев с тяжелыми перстнями были неестественно бледны, что свидетельствовало о крайней степени гнева. И я понимал, почему. Отец и без того чрезмерно переживал за мать, потому что та была человеком. В глубине души боялся потерять – и это несмотря на брачную связь, подарившую матери снартарийское долголетие. А наш поступок поставил под угрозу существование династии, я понимал.

– Ленс, от тебя я не ожидал подобной беспечности. В твоих обстоятельствах, тебя мог убить и приступ.

Я видел, что брат порывается что-то сказать, но боится нового кинжала. И правильно, нужно будет договориться, чтобы молчал.

– Прости, отец, – все-таки вымолвил я, приготовившись к чему угодно, но император лишь вздохнул.

– Твоя вина в потакании брату, а вот с тобой, Феликс, – он окинул взглядом наследника, – не представляю, что делать. Лишить прав на престол? Отправить на ороочи шахты? Или на годик заблокировать магию?

С каждым новым словом братец то бледнел, то краснел, играя палитрой бело-красного.

– Ленс, ступай к себе.

Получив разрешение, я с усилием вынул лезвия из стены и побрел к выходу, исподлобья оглядываясь на все еще распятого Фела.

Как же я счастлив снова увидеть матушку. Да, мне было стыдно за наш с братцем необдуманный поступок – ведь отец прав, я мог что—нибудь придумать и не допустить телепортации... Но радость неожиданно перекрыла все. Страшно подумать, мы могли никогда не увидеться.

Императрица Сайерона Элвелор, а некогда талантливая погонщица Сайерона Коул, ставшая истинной любовью снартарийского владыки, и сейчас выглядела очень молодо, едва ли на пять людских лет старше нас с Фелом. С иссиня-черными волосами и глазами цвета океана в солнечный день, мы были совсем на нее не похожи. Так уж распорядилась природа Ниариса, что кровь снарров сильнее человеческой, вот и мы с братцем были почти копиями отца.

– Ленс, мой Ленс, сынок, – мама обняла и оградила ото всех страхов и переживаний, – поклянись, что никогда больше так не сделаешь. Не покинешь меня.

– Никогда, – я мимоходом заметил, что ее фигура под многослойными снартарийскими тканями изменилась сильнее, и стало стыдно еще больше, чем перед отцом.

Я даже не стал говорить, что в будущем не собираюсь отказываться от мечты о странствиях, ни к чему ее беспокоить сейчас.

– Жрицы не сказали, кто будет? Мальчик или девочка?

– Нет, их сил едва хватает на предсказание погоды, – мать с трудом меня отпустила, продолжая любоваться, – ты же знаешь, что Верховной жрицы до сих пор нет.

– Помню, – и меня слегка волновало, что мы уязвимы перед другими государствами, – но неужели младшие настолько беспомощны...

– Не беспокойся, мой мальчик. Наша империя незыблема, мы все под мудрым оком Солнца. Оно решит, когда привести в наш мир новую Верховную.

– Конечно, ты права, – улыбнулся в ответ, но сердце кольнуло нехорошим предчувствием.

– Будь осторожен, со дня на день нужно принять лекарство, – мать оправила мои короткие волосы, – не жди, сразу зови лекаря Вейдена.

– Знаю, – кольнуло снова, – я не пропущу.

Вот что бы она сказала, признайся я в том, что знаю? Матушка ни в чем не виновата, она лишь хотела меня защитить.

На следующий день пришлось разыграть комедию и принять «лекарство» из рук лекаря.

Кровь, несомненно, но вкус не тот. Это как сравнивать свежее мясо и вяленое, точнее, перевяленное.

А еще, когда я пил кровь Милы, вспоминаются совершенно невероятные ощущения. Эйфория, полет, страсть. Много бы отдал, чтобы повторить, но нет. Цена слишком высока, я не хочу чувствовать себя зверем. Только не так.

Поэтому смиренно выпил лекарство, не ощутив и доли того удовлетворения, но кое-что все же произошло. То ли вместе с недавним «пиршеством» доза оказалась превышена, то ли еще что, но... Я слышал шаги смуглолицего Вейдена, даже когда он покинул мои покои.

Я слышал стук крылышек мельчайших насекомых, что любили гнездиться в циклониях, увивающих колонны. Шорохи с крыш, а рокот водопада стал мешать сну.

Дождусь следующего приступа и больше никогда не превышу норму. Не стоит играть с неизведанными силами, или, если верить северной колдунье, с Богами.

Кто бы меня ни проклял, я не пойду по пути искушения, не превращусь в чудовище.

Тем вечером я, как обычно, писал новую главу своей книги, уже понемногу привыкая к скрипу пера по бумаге, как услышал разговор.

– Я проведу Вас, миледи, никто не увидит, – донеслось из глубины коридоров, и я обратился в слух.

– Благодарю, Майл, – главный погонщик Майлерис?! И обращалась к нему моя матушка...

Они куда-то пошли, и я выскользнул из покоев, ориентируясь на шаги. Поистине колдовское умение, я еще умудрялся не путать их с другими. Например, с шагами многочисленных слуг.

След оборвался у ничем не примечательной стены с барельефом – хм, неужели тайный ход? Мы с Фелом знали о многих, но, видимо, не обо всех.

Приложил ухо, постучал и... обнаружил пустое пространство по характерному звуку.

Методом проб и ошибок нащупал замаскированный рычаг и почти побежал, чтобы не отстать.

Догнал и замедлил шаг. Мать и погонщик Майлерис шли быстро, словно боялись быть обнаруженными. Гхар побери, они использовали тайный ход и вообще скрывались! Поневоле всплыли слухи о старой истории времен отцовской юности. Тогда его первая жена сбежала с придворным погонщиком, неужели история повторяется? Не желаю в это верить!

Это попросту невозможно, я не переживу еще и такое. Любовь родителей была для нас с братом незыблемым идеалом, путеводным светом в хитросплетениях жизни. Надеждой, что и нам посчастливится встретить свою идеальную пару, идеальную для каждого из нас, и, возможно, абсолютно несовершенную для кого-то другого.

Конечно, я бы ни за что в таком не признался, особенно Фелу, но в глубине души кто не мечтает о большой и чистой любви? Даже циничный братец, высмеивающий каждую романтическую линию в моих книгах. Просто он еще больше стыдится проявления искренних чувств.

Совершенно некстати вспомнилось девичье лицо, обрамленное мягкими светлыми волнами, и тихий, уверенный голос – «Ты ни в чем не виноват».

Как бы там ни было, Милораде будет лучше подальше от меня, в следующий раз я могу и не сдержаться.

Тем временем впереди показалась решетка, выходящая куда-то наподобие заднего двора, с уютными кустарниками, скамьей и фонтаном.

Неужели романтическое свидание?

– Я подожду Вас, миледи, – голос Майлериса.

– Не стоит, Майл. Назад я дойду сама.

– Но, миледи... В Вашем положении...

– Ступайте, лорд Майлерис, – голос матери был тверд, и снарр двинулся... к решетке, за которой стоял я!

Еще немного, и мы столкнемся. И не миновать неловкого разговора. И, похоже, это все-таки не свидание. Хоть в чем-то на сердце отлегло.

И вот тогда... произошло нечто, чему я не сразу нашел объяснение. Только я стоял в темноте туннеля, и вот склоняюсь за розоватым кустарником, опираясь на колено. Восемь ярдов расстояния, и я совершенно не помню, как их преодолел!

– Здесь сквозит, миледи, – отметил Майлерис, – не задерживайтесь.

Теперь мне было хорошо видно, как мать склоняется над статуей некоего юноши, увитой цветами. Ее я и принял за декоративный фонтанчик – подобные часто украшали залы и комнаты во дворце.

– Здравствуй, Роб, – проговорила императрица едва слышно – для всех, но не для меня.

Чуть раздвинув ветви кустарника, я увидел и то, что не заметил ранее – в руке она держала белые розы – знак траура и печали. В этот момент они легли у подножия статуи.

– Уже двадцать семь лет прошло, как ты ушел на Серебряные поля. Говорят, время лечит, но с каждым годом я все больше увязаю в пучине воспоминаний. Будто магия какая, смешно? А ведь я даже не давала тебе той любви, что ты заслуживал. Может, я чувствую вину за свою молодость, я ничуть не изменилась с тех пор, а твой прах давно развеян по ветру. Никто не

должен умирать в двадцать пять лет. Никто! Солгала бы, что друзья тебя помнят, но Лили угодила в дом терпимости, а затем в монастырь, о ней давно ничего не слышно. Бретт уехал далеко... Может, их тоже нет в живых? Время беспощадно, но особенно жестоко к тем, кто остался в живых. Мне так больно, Робин. И этой боли нет выхода. У моей лучшей подруги Даны все больше морщин, даже зелья не способны повернуть годы вспять. Прости, Роб... И я так боюсь за Ленса.

Если до этого я сидел, как пришибленный, и не понимал, как реагировать на услышанное, но теперь сердце отозвалось вполне определенно – шум крови загудел в ушах.

– Он взрослеет, ему становится тесно во дворце, – продолжала мать, пальцем выводя круги на мраморе, – он хочет узнать мир. Подскажи, как мне защитить Ленсара?

Интересно, почему она не волнуется за Фела, который и учинил бучу с перемещением в Большие Лопухи, за его силу? Значит ли это, что я куда большая проблема? Должно быть, учитывая мое проклятие. Даже темперамент братца его не перекроет. И кто этот Роб, старый друг? Парень, до встречи с отцом?

– Мои дети растут так быстро. Кажется, только вчера мы бегали наперегонки с маленьким Ленсом, только вчера он качал люльку брата... – что, постойте?! Как такое возможно, если мы близнецы?! – а сейчас они думают о девочках. Мне страшно, что они наделают ошибок.

Это она о Милораде? Но они даже не виделись! Гордый егерь отказался от приема в его честь.

– Прости, что прихожу сюда и тревожу твой покой. Спи спокойно, Робин Мастерс. Да будут к тебе ласковы серебряные поля.

Мать медленно поднялась и, подобрав юбки, пошла прочь, к тоннелю.

Ее боль резанула по сердцу, как моя собственная, и еще долго металась неприкаянным эхом у меня в голове.

Шаги давно затихли, я выбрался из укрытия и приблизился к статуе. Стройный, высокий парень в костюме погонщика, с короткими чуть растрепанными волосами и приятными чертами лица. Но куда больше меня заботила гравировка у подножия – «Робину Мастерсу, любимому другу и мужу».

Написано на всеобщем, ошибиться невозможно, как если бы это был эльфийский диалект.

Кто ставил эту статую? Понятно, что этот Робин старый друг матери, но чей он муж?

Мозг роем стрел атаковали странные догадки, но я не мог их принять. Если бы мать была замужем до отца, то нам с Фелом было бы известно, разве не так? И дед Сэм никогда не упоминал о подобном.

Жаль, он в отъезде, вместе с женой навещает кого-то. Спрашивать отца сейчас слишком рискованно, остается поделиться соображениями с братом.

– Фел! – я постучался в двери его покоев, потому что был риск застать дофина с очередной девчонкой.

– Заходи, – брат стоял вполоборота за рабочим столом – не письменным, а предназначенным для его единственного долговременного увлечения. Ювелирного дела, – как думаешь, Милораде понравится?

Он показывал гроздь бусин, точнее, ожерелье – рубиново-алое.

– Красиво, – я мало что понимал в этом, а сейчас бусы и вовсе слились в одно красное пятно. Я даже забыл, зачем шел к Феликсу, – ты собираешься прислать ей подарок?

– Почему же прислать, – с улыбкой отозвался брат, – доставлю лично.

– Но разве отец снял домашний арест? – насколько я помнил со вчерашнего дня, Фелу дали месяц, чтобы «одумался».

– Хах! Если бы, но неужели ты думаешь, что я буду сидеть, как принцесска в башне? Мне достали артефакт, который поможет выбраться. Эй, ты слушаешь?

Брат помахал у меня перед носом, и тогда я отмер, но сердце все так же бешено стучало.

Ничего, конечно, удивительного. Подкупить нужных людей – и проблема решена. Так казалось Фелу, конечно же. Но пора взрослеть, гхар побери!

– У тебя будут проблемы, – я усилием воли выровнял дыхание, чтобы волнение не было столь заметно.

– Только если ты меня выдашь, братик. Но ты же этого не сделаешь? – Феликс чуть ли не приплясывал, предвкушая свидание. Ну как можно быть настолько легкомысленным? Вылазка инкогнито, без охраны. Как знать, куда все может привести? По хорошему, нужно немедленно доложить отцу, но тогда дофину точно не избежать суровой кары, поэтому нужно воспользоваться последним шансом отговорить.

– Нет, разумеется, отец тебя убьет. Но твой план – в любом случае риск. Ты уверен, что оно того стоит?

– Милорада того стоит. Или несогласен?

– Зачем она тебе? – получилось хрипло, словно после сна.

– Она мне нравится. И я не собираюсь отступать только потому, что ты у нас собака на сене.

– Что... ты имеешь в виду?!

– Только то, что сказал, – брат плюхнулся в кресло, спрятав украшение во внутренний карман камзола, – ты тоже положил на нее глаз, но трусишь.

Я каким-то чудом подавил желание оказаться рядом с Фелом и придушить. А еще лучше, испить крови. Нет, спокойнее, брат ни о чем не знает и не должен догадаться. Не сейчас. Как бы я хотел хотя бы издали увидеть Милораду, поговорить обо всем, что было, обо всем и ни о чем. Просто быть рядом. Нет, зверь внутри меня может вспомнить, как ему было хорошо.

– Вздор. Но ты должен понимать, что ты дофин, вряд ли тебе позволят на ней жениться.

– Да мне еще рановато, – хмыкнул братец.

– Тогда тем более, не стоит морочить голову людям, которые нас спасли. Тебя спасли. Человеческий век короче нашего, не забывай.

– Ты всегда был занудным, но сейчас превзошел самого себя. Правда, Ленс, не о чем переживать. Я не собираюсь совершать ничего предосудительного в отношении Милы, – то, как он сократил ее имя, больно отозвалось в груди, – а насчет остального покажет жизнь. Мы все ходим под Солнцем, так говорит отец? Что полотна наших судеб уже сплетены и ждут своего часа, чтобы укрыть нас на серебряных полях.

Я лишь скрипнул зубами, порадовавшись только тому, что над языком не оказалось заостренных клыков.

– Удачи.

Глава 13 Милорада

Мне льстило внимание наследного принца – а кому бы не польстило на моем месте? Но не покидало ощущение огромной ошибки. Фелу не стоило приходить. Пробираться в окно. Это чувство росло внутри меня, разъедая гнилью, и скоро углубилось до размеров ямы. Глубокой такой ямы, куда меня точно скинет отец, если прознает.

Я не боялась, что принц позволит себе лишнее – если принцы и играют, то играют тонко. Ну вот, снова вспомнила слова Лейры. В личности златошерстных котиков я более не сомневалась, но стать мышью? Еще чего!

Ну вот что со мной делает Ленсар? По пути назад я начала подмечать схожесть Фела с братом и пару раз почти обманулась, «благодаря» темноте и приглушенному голосу.

Но, что хуже, я пыталась удержать эти моменты, растянуть, как только можно. Потому что даже на секунду поверить, что рядом Ленс, было неизмеримо прекрасно, как в снах с его участием или, лучше не вспоминать, тем роковым вечером, когда меня словно околдовало.

Нечестно. Ни по отношению к Фелу, чье украшение болтается на моей шее, как удавка, ни ко мне. Ленсар не пришел, даже в письме не осведомился, как я. Ему все равно.

Мимолетно подумалось, что будь он на месте брата, я бы не боялась реакции отца. У меня попросту не осталось бы места на другие эмоции, тем более на какие-то страхи.

А ведь его есть все основания бояться. Я ненормальная? Мне, похоже, нравится играть со смертью. Быть рядом и уходить невредимой. Нет, нет. Я никогда не была безрассудной, не пыталась выйти на медведя с голыми руками или еще как-то чудануть. Причина только одна. И имя ей Ленсар.

Солнце было ко мне милостиво, и отец не проснулся, когда Фел помогал забраться в окно по магически созданным ступенькам. Я-то залезла, а вот снарр не удержал «потоки», как он сам объяснил, и грохнулся в кусты. О том, почему так вышло, и куда нужно было так засмотреться, чтобы рухнуть, я предпочитала не думать.

Очувтившись в комнате, я выдохнула. Сняла рубиново-рябиновое ожерелье и спрятала среди чисто женских вещей, куда отец носа не сует. Конечно, можно было отговориться, что его прислали, но шестое чувство подсказывало, что настолько дорогой подарок отца насторожит.

Ночью ожидаемо снился Ленс, вот только...

Его глаза, обычно изумрудные с золотистыми крапинками – точь-в-точь болотные огоньки, сейчас были налиты кровью. Белки пересекали вздувшиеся сосуды, а сама радужка совершенно потеряла природный цвет. Под глазами залегли тени, особенно заметные на контрасте с белой кожей. К слову, волосы младшего принца тоже претерпели изменения – потемнели почти до черноты, отрасли и были гладко зачесаны назад.

По бледным с синевой губам пробежала усмешка, но мой взгляд вернулся к зачесанным волосам и к ушам. Совершенно обычным, как у человека.

– Мила, вставай, всех женихов проспичь!

Я подорвалась как ошпаренная – это еще как понимать? Неужели явился Его вампирское Высочество? И странно, что отец говорит о «женихах» – дома он гонял метлой даже малейшую тень возможных ухажеров. Или решил, что столичные не чета тем?

– Встаю, батюшка, встаю...

Чуть не наступив на Царапку, обула домашние туфли и прислушалась к звукам внизу. Бриан, тот самый паренек—экскурсовод из дворца!

Торопливо умывшись и приведя себя в относительный порядок, я спустилась.

– Милорада! – он широко улыбнулся, продемонстрировав щербинку между передними зубами, – сегодня наилучший день для посещения Храма.

– Бриан, – я присела в книксене, перенимая столичные порядки, – а почему именно сегодня? – по сердцу неприятно заскребло. Так бывает, когда оставляешь напоследок какое-то неприятное дело, а оно всплывает в самый неожиданный момент, чтобы напомнить о себе.

– Сегодня в полдень пройдет отбор младших жриц для посвящения в старшие. Событие, редкое даже для местных. По итогам испытаний из двенадцати останется трое, – парень лучился предвкушением, не скрывая, что для него это тоже будет впервые.

– Мы с удовольствием прогуляемся, – пробасил отец, и я поразились, насколько он успел измениться, причем не только внешне. Раньше он и не знал такого слова, «прогуляемся»...

– Тогда нужно выходить прямо сейчас, а выпечку купим по дороге, – Бриан деловито принял командование, а я двигалась, словно кукла. Делала, что велят, а внутри все переворачивалось. От Храма и готовящегося обряда нечего ждать добра. Спросить бы Лейру, но она далеко и, надеюсь, жива милостью Солнца. Одна надежда, что в храм ради такого события могут посетить принцы. А именно, один с зелеными глазами и сундуком тайн за спиной. Попыталась прислушаться к себе, ища подсказки у Дара, но он молчал. Вот бы научиться им управлять, но пока больше похоже на то, что некто через него пытается управлять мной. Боги? Нынешние или давно ушедшие?

От этой мысли нутро и конечности похолодели. Что, если это правда?! Просто никто раньше и подумать не мог о подобном. Нет, дело в том, что я слишком много думаю, а это вредно. Веками верховные жрицы служили империи, им поклонялись, но в то же время их жизнь была далекой от моего личного идеала в виде небольшого уютного домика и крепкой семьи.

Мы с отцом и Брианом поймали омнибус, запряженный двумя смиренными лошадьми, и вместе с другими пассажирами бодро помчались по вымощенным брусчаткой улочкам среднего города. Я держалась за медный поручень, привстав со своего места, и снова пораженно всматривалась в каждую статую, в каждую барельефную композицию на фасаде очередного дома. Зажмурившись от удовольствия, вдыхала аромат свежеиспеченных булочек и бодрящего напитка под названием кофе. Во время небольшой остановки, когда к нам присоединись новые желающие увидеть храм, Бриан сдержал обещание, купив его – каждому по бумажному стаканчику, и коробку с выпечкой. Я начинала искренне любить Ирису, столицу нашей империи Снартари.

Где-то спустя полчаса домики стали ниже, а еще через полчаса улицы сменились горным пейзажем.

– Храм воздвигнут на одной из двух Хрустальных гор, – не замолкая и не уставая говорить, вещал Бриан, – точнее, и «на», и «в». Как и императорская резиденция, что занимает вторую гору. Скоро вы сами все увидите.

Но еще раньше впереди замаячил указатель, перед которым извозчик остановился и попросил всех на выход. Я поняла, почему – дальше дорога разветвлялась на множество тропинок, уходящих то вверх, то вниз, влево и вправо. Как паутина. Или нити клубка, забытого хозяйкой на радость игривому коту. Где-то тропинки переходили в дуги мостов, где-то ныряли почти в пропасть.

– И куда теперь, уважаемый? – слышалось как сквозь толщу воды, потому что я отчетливо видела, признавая в увиденном иллюзию по чуть заметному мерцанию воздуха, высокую женщину в белом. Она уверенно ступила на одну из тропинок, и я пошла за ней, словно меня подтолкнула неведомая сила.

– Все правильно, сюда! – радостный возглас позади, – именно эта дорога ведет к Храму.

– А остальные? – крикнул кто-то из пассажиров.

– Чтоб запутать?

– Нет, – надрывался наш экскурсовод, чтобы перекричать всполошенный улей, – остальные ведут к беседкам для исповеди. Там каждый желающий может очистить душу младшим жрицам. Не беспокойтесь, каждая дает обет молчания пред ликом Солнца и никогда не использует знания против Вас. А раньше, когда еще была жива Верховная, некоторым выпадала удача встретить ее в беседке и узнать свое будущее. Найти ответы на заветные вопросы.

– А что, сегодня избирают верховную? – прохрипела неопрятная дама неопределенных лет, но накрашенная сверх необходимости. То ли от ее резкого голоса, то ли посчитав свою миссию исполненной, призрачное видение рассеялось туманом.

– Нет, лишь выбирают старших жриц среди младших. Мила, подожди, шею свернешь!

Последнее уже мне, но Бриан переоценивал возможность навернуться – или слишком сильно недооценивал меня.

– Не несись, как коза, дочь, – добавил отец, и это, сказанное при всех, могло бы прозвучать обидно. Но сейчас я была слишком взволнованна близостью к Храму, чтобы обращать внимание на мелочи.

Но шаг убавила, чтобы вдоволь полюбоваться горными видами по обе стороны тропинки, скоро перешедшей в изящный мостик с ажурными, но прочными каменными перилами. Мы шли гуськом над темной расщелиной, прикрывающей туманом пикообразные обломки скал – не особо удачно, скорее кокетливо, как городская статуя, «смущающаяся» под отрезом мраморной туники.

Величественная, чуть надменная, вечная красота.

Наш мост терялся в тумане – или в облаках? – и скалу мы заметили в самый последний момент, когда перила слева перешли в каменную толщу. Теперь мост шел под небольшим углом вверх и огибал скалу по кругу, серпантинном. Из-за все того же тумана было сложно оценить ее размеры, но мы все уже изрядно выдохлись, а дама из экипажа начала жаловаться на обострение ревматизма, когда облака разошлись, впуская солнце. Нет, не так – Солнце. Оно щедро заливало широкое плато размером с три центральных площади – и, что удивительно, там уже толпились люди. Много людей перед входом в по-эльфийски ажурное круглое здание с колоннами и белоснежным куполом, на который при полуденном свете было больно смотреть.

Сердце подскочило – я его видела. Много раз в ускользящих снах.

Вблизи колонны оказались куда выше и шире, чем виднелись с тропинки. Если бы мы с отцом и Брианом взяли за руки, и тогда вряд ли смогли бы охватить их вширь. А высота... Величие храма внушало невольную мысль о мимолетности людского бытия.

– Идемте вон сюда, – парень филигранно миновал две очереди, проведя нас вовнутрь огромного круглого зала. Скамьи располагались по принципу амфитеатра, и даже с пока свободных задних прекрасно просматривалась «сцена», выложенная мозаичным кругом. А вот люди, которым придется стоять в толпе позади, урвут лишь крохи из-за голов соседей. Впрочем, даже им будет виден столб света, вырастающий из люка, что по центру купола. Непостижимым образом соединяющий мозаику пола и потолок. Насмотревшись на игру мельчайших пылинок, я перевела взгляд на ложи впереди. Слишком далеко, чтобы сказать наверняка, но неужели там...

– Снарры в окружении охраны, – осторожно произнес отец. Если раньше при упоминании остроухих он бы в лучшем случае презрительно сплюнул, то теперь был обязан императорской семье землей и золотом.

– Как думаешь, император будет?

– Да делать ему нечего, – Ахвик прищурился сильнее, – у снарров каждую декаду какой-то священный ритуал, этим ведают жрицы.

– Не скажите, господин, – возразил Бриан, – крупные праздники не обходятся без императорской семьи. Его Величество сам начинает молитву, я видел. И императрицу.

– И как они тебе?! – я все больше начинала жалеть, что отец отказался от приема во дворце. Мне хотелось как можно больше узнать о Ленсе – а значит, и о его родителях. Подумала – и ужаснулась тому, как сильно меня затянула воронка безответного чувства.

– Ее Величество прекрасна и юна, хотя ей уже за пятьдесят.

При озвучивании возраста императрицы Ахвик предупреждающе нахмурил брови – а вдруг кто услышит неподобающие речи, а я тихонько вздохнула. Наверное, это мечта каждой, укротить неотвратимую старость. Я редко об этом задумывалась в силу юности, но не значит, что не задумывалась вовсе.

– А император? – спросила, чтобы скрыть волнение.

– Снарр как снарр, – Бриан бесхитростно пожал плечами, – говорят, сыновья на него похожи.

– Да, я читала, что снартарийская кровь сильнее человеческой, и дети в таких браках почти ничего не берут от людей.

Теперь отец сверкнул глазами на меня. Неужели подумал, что я мечу на место невесты...

– Жрицы! Они идут! – наш провожатый дернул за рукав, и я увидела мельтешение белых одежд у края «сцены», пока от них не отделилась одна, воздев руку кверху.

– Милостью Солнца, всевидящего и справедливого, мы сегодня собрались под сенью Храма – и высокие лорды, и простые лиронны. Здесь все равны, каждый призван свидетелем испытаний младших жриц. Тех, кто продолжит службу на благо нашей великой империи в статусе жриц старших.

Женщина затянула молитву на эльфийском, ее подхватили кандидатки и... снарры. Никогда не слышала, как поют солнечные эльфы, но теперь поняла, что метафоры из книг не ради красного словца. А самое странное, что от этих звуков начало вибрировать что-то невидимое внутри меня. Рождаясь теплом в районе позвоночника, поднимаясь и расширяясь, как ветви дерева. Незнакомое чувство, которое могло быть пугающим, но на удивление не пугало.

Тем временем к жрицам вынесли закрытые ларцы и попросили найти пустой.

Девушки подходили по очереди, касались крышки и становились в сторону, а их выбор отмечали на длинном свитке. Странное и необъективное испытание, потому что пустой сундук можно было попросту угадать.

Впрочем, когда я прищурилась, то мне показалось, что один из них приоткрылся – а затем полупрозрачная иллюзия крышки вернулась на место.

Также я обратила внимание, что седьмая по счету испытываемая указала на нужный сундук – ну, в том случае, если мне не привиделось от жары, и правильный выбор действительно подсказали боги. А все остальные слепо повторили за ней – видимо, она пользовалась репутацией сильной жрицы.

Когда последняя, двенадцатая, заняла свое место рядом с остальными, служители храма по очереди перевернули сундуки. Из одного посыпались украшения, из другого деньги, из третьего свиток дорогой ткани... Как пояснила старшая жрица, все содержимое олицетворяло мирскую жизнь, а выбравшие пустой смогли доказать, что готовы от этого отречься.

– Хм, и оно того стоит? – я наклонилась к самому уху Бриана.

– Старшие пользуются почетом и обладают немалой властью. С ними советуется сам император.

И что? Хотелось сказать мне. Какой прок в почете и власти, если ты прикован к храму и видениям?

Снова песнопения, и объявили второй этап, в который прошли только пятеро.

Задание стало сложнее – выходили люди, с ног до головы укутанные в плащи, и испытываемым предлагалось назвать как можно больше фактов о каждом человеке.

Порой доходило до абсурда – одна из девушек утверждала, что перед ней знатная вдова, а оказался орк в кандалах – не иначе как притащенный прямиком из каменоломен. Я бы тоже, наверное, не блистала – или просто требовалось подойти ближе?

Так или иначе, но в третий этап прошло лишь двое. Та самая седьмая жрица и десятая.

И теперь служители внесли огромную карту империи, попросив найти местонахождение сбежавшего преступника. Крайне опасного, если верить жрецам.

Участницы выходили по одной, не видя друг друга, и им предоставлялось по пять минут, чтобы взять перо и поставить красную точку.

А у меня эта точка так и прыгала перед глазами... и совсем не там, где отметили девушки. В столице. В среднем городе.

Пальцы похолодели. А если преступник и правда опасен? Как сказать об этом... и не выдать себя?

Глава 14. Ленсар

Дни летели, как виверны на скачках, а я при всем при этом чувствовал себя выброшенным на обочину. Только привычный распорядок – тренировки и уроки с домашними учителями, коими загрузил отец до самого вечера (не иначе, чтобы на глупости времени не оставалось) позволял удерживаться на поверхности рассудка.

Фел больше не сбегал на свидания к Милораде, или, по крайней мере, молчал об этом, а мать больше не навещала таинственную могилу. Чувства, обострившиеся с кровью, тоже вернулись на свой привычный уровень – и вроде бы пора успокоиться, но я не мог.

Поэтому, когда вернулся дед, я поспешил к нему в кабинет.

На самом деле, Сэмверан был нашим прадедом и приходился дедом матери, но к нему репеем прицепилось простое прозвище «дед».

Выглядел бывший кузнец бодро – среднего роста, коренастый и до сих пор способный гнуть подковы голыми руками. Конечно, не нашими молитвами. Когда-то очень давно он был влюблен в эльфийку, которая, погибая, отдала ему свою вечность.¹¹ История, припорошенная пылью столетий. Во дворце об этом знали немногие, а кто знал, старался не вспоминать, тем более уже больше двадцати лет Сэм состоял в счастливом браке с Корой Вейден, сестрой моего лекаря. У них подрастала дочь Нерезза, которую я запомнил пятилетней девчонкой, она обучалась кузнечной артефакторике где-то в отдаленном ордене. Скорее всего, дед с Корой ездили навещать ее.

– Ленсар, – Сэм распахнул объятия и прижал к восхитительно пахнущей кожаной куртке. У него были свои представления о дворцовом этикете – и мне всегда казалось, что он не изменит привычкам, даже если сядет на императорский трон, – мальчик мой! – мои ребра затрещали, – получается присматривать за братом?

Понятно, намек на Большие Лопухи.

– Ты все знаешь, – пожал плечами, стараясь улыбаться не слишком грустно.

– Зайдем, не стой на пороге.

Тяжелые створки сомкнулись, отрезая нас от белокаменного коридора со стражниками.

– Тяжело пришлось? – он не спрашивал, утверждал, – надеюсь, ты побалуешь старика историями из первых уст?

Да, я знал, что он любил их записывать. Наверное, именно от него ко мне передалась дурная привычка марать бумагу.

– Разве Фел тебе еще не рассказал? – вопрос был с подвохом. Я внутренне боялся, что братец и здесь меня обойдет.

– Нет, и, Ленс... Не злись на него. Он не виноват в том, что всего лишь мальчишка.

– Он мой старший брат! Дофин! – терпение прорвало, как шаткую плотину, – это он должен подавать пример, усмирять и воспитывать. А не я!

– Ты умнее своих сверстников, Ленс, разве ты этого не замечал? – дед потихоньку открыл хранилище вин и извлек бутылку с эльфийским, – вот и веди себя соответственно.

Мало-помалу за бокалом изысканного вина Сэму удалось меня расслабить... и разговаривать. Мы даже смеялись, когда я пересказывал случай с «эльфийскими пирожками».

– Ленс, тебе уже хватит, – а я бы не сказал, что пьян. После рокового вечера с Милой во мне изменилось слишком многое, и пьянеть я тоже стал медленней, чем обычно. Хотя эльфийское вино коварно. Вот ты сидишь и все бы ничего, но вдруг встаешь – и ноги тебя не держат. Надеюсь, до последнего не дойдет.

– Скажи, Сэм, – я разом опрокинул в себя полкубка, – кто такой Робин Мастерс?

¹¹ История Сэмверана Фрайта раскрывается в «Сердце терновника»

– Что? Что ты сказал?! – казалось, с деда разом слетел весь хмель. И веселость.
– Робин Мастерс, – реакция меня и пугала, и забавляла. Должно быть, все дело в вине.
– Откуда ты слышал это имя? – Сэмверан сложил могучие руки перед собой.
– Это важно?
– Реши для себя. Если важно – то скажешь и получишь ответ.
– Хорошо. Я случайно увидел, как матушка ходила на могилу... этого человека. Я читал гравировку.

– Ты плохо учился, правнук.

– Прости? – и причем тут моя учеба. Или дед хочет перевести тему?

– Немногие хорошие книги уточняют, что ваша с Феликсом мать носила фамилию Мастерс, – все-таки самые мрачные подозрения оправдались, – Робин Мастерс – друг детства, одноклассник в школе укрощения, один из знаменитой «четверки». Твоя мать – замечательная погонщица.

– И они... любили друг друга? – в горле отчаянно пересохло, я потянулся за бутылкой, а дед не стал останавливать.

– Роб любил мою девочку, да, – немного подумав, дед плеснул и себе, – ее же единственной любовью, которая сняла проклятие со всего эльфийского рода, была любовь к императору Феликсу.

Что-то мне почудилось в этих словах странное – но, возможно, снова вмешалось вино.

И, конечно, я помнил о снятии проклятия – до истории Феликса и Сайероны с нарры не могли сочетаться браком со смертными. Или, впрочем, смогли бы, но их избранник прожил бы обычную жизнь, невыносимо короткую по сравнению с эльфийской вечностью.

– Так что не бери дурного в голову, мой мальчик, – Сэм хлопнул по плечу, чуть не вдавив в стол.

– Но она так горевала у могилы...

– А разве нельзя горевать об ушедших друзьях?

Конечно, дед снова был прав, но какая-то мелочь все равно не давала покоя. Не позволяла целиком забыть и отпустить. Внезапно перед глазами расступился кустарник, скрывавший статую юноши, и в голове отчетливо послышался голос матери. «Я боюсь за Ленса».

– Друзья или нет, но они были очень близки. Отец опечалится, если узнает.

– Ваш отец мудр, и неужели ты думал, что хоть один тайный ход можно удержать в секрете от императора?

– Ты тоже знаешь про ход... – я почувствовал себя ни много ни мало дураком.

– Молю Солнце, чтобы ты, мой мальчик, никогда не познал утраты друзей, близких тебе. Постарайся не привязываться к смертным, разделить вечность ты сможешь лишь раз.

– На всех друзей не хватит, – невесело улыбнулся я, отчего—то вспоминая Милораду. А если... а если у нас бы все получилось... когда-нибудь... Возможно, тогда, разделив с ней поровну снартарийское долголетие, я бы мог дать ей тем самым иммунитет от своего проклятия? Ведь можно же, правда, просто пить кровь каждые две декады, соблюдать режим приема «лекарства», и жить... как раньше? Я ведь жил как-то все эти годы и был счастлив.

Хм, а мать с отцом и правда знали, как лучше. И теперь мне стоит последовать их примеру. Молчать, не тревожить понапрасну.

– Не печалься, правнук. Все будет хорошо. Службы твоего отца уже доносят радостную весть, что в столице отметилась будущая Верховная.

– Ты про тот глупый отбор? – на моей памяти еще ни одно испытание младших жриц не принесло результата.

– Глупый-то может и глупый, но во дворец пришло анонимное письмо. Неизвестный указал местоположение беглого каторжника – ровно там, где за ним присматривали законники.

– Возможно, подшутил кто-то из своих, – поверить в то, что наконец появится Верховная Жрица, было чересчур хорошо.

– Или нет. Так или иначе, на все воля Солнца.

Разговор с дедом расставил мысли по местам. Успокоил бушующее море внутри меня – даже на миг подумалось, что задействована некая магия, но я быстро отмел нелепое предположение. Просто так повелось с детства – мать, отец да прадед всегда были оплотом моего спокойствия. Нашего с Фелом, да и всей империи.

Конечно, до сих пор замурованным пленником стучалась мысль, что стоило рассказать все. Хотя бы Сэму, но я гнал ее прочь. Он все равно расскажет отцу, а значит, когда-нибудь узнает и мать... Нет, нет и нет!

А Фелу и вовсе глупо доверять подобную тайну. Только Милорада знала, но общение с ней теперь под запретом, если не хочу ей навредить, а больше и некому... выговориться. Жрицы сдадут отцу, не раздумывая и не оглядываясь на обет. Клятва перед императором всегда выше.

Но до чего же сложно нести тайну в одиночку! Конечно, со временем привыкаешь, а порой это даже приятно будоражит нервы, но иногда просто хочется поговорить.

Я забросил общество благородных писак – не до него, да и банально не хватало времени.

А потом наступил момент, которого я боялся. Приступ начался на сутки раньше, чем прошлый. Казалось бы, ерунда, но что, если так будет продолжаться и дальше?

Поэтому я воспользовался выпавшим выходным и никуда не выходил, ссылаясь на дурное настроение. Нужно лишь немного перетерпеть, а пока занять мысли математическими расчетами или историческим трактатом.

Нет, я все же практически ненавидел себя. Можно обойтись без воды и еды, но противостоительная жажда была сильнее. Плохо помню, как ближе к полудню выполз из своей норы и пошел, натываясь на стены. Краем сознания понимал, что надо избегать ниш с големами и обходов стражи, и до обители придворного лекаря оставалось не так много, когда я понял, что за мной следят.

Девушка, эльфийка. Дуриэль, или как ее там. А, племянница одного из лордов – Дригерданиэль. Имя необычное для наших краев, и почему я сейчас об этом думаю?

Дождлся, пока она поравняется со мной и присядет в поклоне.

Теперь точно вспомнил, с ней братец гулял до нашего... небольшого северного путешествия. По возвращению Фел ее забыл, и девушка решила попытать счастья со мной. Старая, набившая оскомину, схема. Не получилось с наследником и магом, сойдет и обычный принц. Бессмертие, как у эльфийки, у нее и так имеется, но почему бы не замахнуться на высокое положение? Почему-то человеческих девушек, которые просто боялись смерти и хотели продлить молодость, я осуждал меньше и почти понимал. А здесь чистый расчет.

На него работал и наряд – излишне откровенный для дневного времени и больше подходящий для ужина. И на ее беду приковывающий взгляд к шее. Нет, нельзя – перед глазами встала страшная картина с Милой, белой и чудом что не бездыханной.

Но у этой девушки и запястья были открыты, как нарочно. Она что-то лопотала и крутилась передо мной, подписывая себе приговор.

На этот раз я был аккуратнее – пил, слабо отмечая, что кровь Милы мне нравилась больше, а девушка, на мое счастье, тихо млела и словно пьянела с каждым моим глотком – таков побочный эффект, я уже понял. И когда тень моего сознания стала чуть плотнее, возвращая контроль, я замаскировал содеянное под поцелуй. Мда, так недолго добиться слухов, что младший принц кусает придворных. И признаний деду не понадобится.

Но Дуриэль такая Дуриэль, что ничего не поняла и, все так же улыбаясь, побрела к себе. Попадется стражникам – решат, что добралась до отцовских вин.

А я, слава Солнцу, все-таки добрался до Вейдена.

Несмотря на традиционные арочные окна и широкие балконы, обитель лекаря тонула в полумраке. Тому виной тяжелые портьеры, гобелены и тусклые светильники.

Как объяснял он сам – при прямом свете солнца разрушаются свойства многих зелий. И я сейчас этому порадовался, потому что в придачу к обычным симптомам слезились глаза.

– Ваше Высочество! – о моем прибытии тут же доложила стража, и Вейден выбежал, побросав все дела. Он явно оторвался от котла, судя по характерным запахам, усилившимся для меня в разы.

– Дай лекарство, Рин.

Интересно, а где он так срочно возьмет кровь? Или она заготовлена заранее и хранится под заклятием стазиса? Скорее всего.

И до чего сложно не швырнуть принесенный фиал об стену, под влиянием взбесившихся эмоций. Тем более рядом свежая, терпкая ровно в меру, а приходится довольствоваться безвкусным суррогатом. Я принц, сын Феликса Элвелора, а должен побираться всякой дрянью, как бродяга. Вейден вызывал непередаваемое отвращение, как и его «лекарство». Ненавижу! Впервые настолько сильно ненавижу, хотя осколки разума колют мыслью, что лекарь ни при чем, но отказаться от свежей крови настолько больно...

Нет, это не я, не я. А тот монстр, которого желаю выжечь, вытравить, но не могу.

– Благодарю, Рин.

– Вас проводить в покои, Ваше Высочество? Вы бледны.

– Я всегда бледен после приступа, ступай к себе.

Царапнул легкий страх – что, если на этот раз я выгляжу иначе? То есть, действительно по-другому?

Успокоился только в своих покоях, перед зеркалом.

– Для кого прихорашиваешься? – насмешливый голос брата донесся из моего кресла.

И ведь я сразу почувствовал мельчайшие звуки и шорохи, даже звук дыхания, но был слишком обеспокоен возможными внешними метаморфозами.

– Тебе не говорили, что забираться в чужую комнату... ммм... некрасиво?

– А ты мой новый наставник по дворцовому этикету, – Фел присвистнул и пружинящим шагом подошел к зеркалу, – неужели, чтобы увидеться с родным братом, мне надо за месяц выбивать аудиенцию? Отец, как назло, решил нас разделить, у меня тренировки на мечех – у тебя метание кинжалов, у меня – астрономия, у тебя – ридгийский язык. И так во всем. Неужели боится, что мы снова куда-то удерем?

– Его можно понять.

– Что-то ты кислый. Постой... у тебя приступ был, да? – брат вглядывался в мои глаза, будто оттуда на него смотрел... Он. Тот, другой.

Кивнул, не находя сил на очевидное.

– Прости. Я вот зачем пришел, тебя видели с Дани...

– С кем?

– Дригерданиэль, – терпеливо повторил брат, умудрившись не сломать язык, – и не подумай, я не против. Между нами толком и не было ничего. Я даже рад.

– Чему ты так рад? – разговор мне категорически не нравился. Начиная от осознания, какая у братца сеть разведки среди слуг, заканчивая тем, куда может повернуть русло беседы.

– Ну, а ты не понимаешь? Не хотелось бы ссориться из-за девушки с родным братом. Дело в том, что мне действительно нравится... Милорада. Я понял это особенно остро за время под замком. Скажи, – лицо Фела—младшего было трогательно взволнованным, – ты же не будешь против, если сегодня я пойду к ней?

Под ногами разверзлась пропасть. Земля осыпалась глупыми надеждами и мечтами. И даже Фел ни при чем, он лишь напомнил, что даже у него, дофина (которого почти стопроцентно обяжут к династическому браку) больше шансов, чем у меня. Нужно перестать думать

о ней, просто перестать, потому что сегодняшний случай с бывшей подружкой Фела наглядно продемонстрировал риск. Ведь это эгоистично, желать себе кого-то просто потому, то хочется? И с чего я вообще взял, что Мила не вспоминает обо мне с содроганием, надеясь, что никогда больше не увидит? Да, она меня успокаивала – но, возможно, просто по доброте безгранично чистой души. А на самом деле чувствует страх и брезгливость.

– Только без глупостей, брат. И будь осторожен, не заставляй мать волноваться.

Как мне удалось произнести ровным тоном, одному Солнцу известно. Так умел отец – держать лицо в тронном зале, полном самых разных личностей.

– Наемникам не попадусь, – во взгляде Фела читалось видимое облегчение, – спасибо. И знаешь... я хочу пригласить ее на Золотой турнир.

Турнир, турнир... о нем прожужжали уши наставники, но я был так занят своими мыслями, что упустил суть. Съедутся лучшие воины империи, чтобы состязаться во всех видах оружия и рукопашной борьбы. Нас с Фелом тоже готовили к участию, это было само собой разумеющимся фактом – наследники, как-никак. Но теперь я понял, что действительно хочу быть там... и победить. Покажу всем, чего я стою. К гхару всех, Милораде. Поэтому отчасти я был даже благодарен брату за инициативу с приглашением.

Я хотел стереть из ее памяти кровь и клыки. Заместить чем-то другим. Пусть она думает обо мне так же, как я не могу выкинуть из головы мысли о ней. Как будто это что-то изменит! Глупо и смахивает на сумасшествие. Стоило братцу всколыхнуть озерцо мнимого спокойствия, разом упала иллюзия, в которую я почти поверил.

Глава 15. Милорада

Я все-таки отправила анонимное письмо во дворец, и не почтовым голубем, как принято в столице, а лично. Переоделась в старуху, чтобы никто не узнал, и передала страже со зловещим шепотом «очень важно». И убежала, пока никому не пришло в голову задержать.

Наша с отцом жизнь все больше менялась. Нанятый управляющий докладывал, что замок в даренных землях медленно, но верно перестраивается, и где-то через месяц мы сможем посмотреть свой новый дом. Нет, из столицы нас никто не гнал, и при желании мы могли остаться здесь, просто регулярно получая вести и доход из поместья. Но я видела, что отца гнетет городская суета. Вместо того, чтобы сопровождать нас с Брианом, показывающим все новые уголки прекрасной Ириссы, он бы с куда большей охотой побродил по лесу, устанавливая капканы на опасных тварей и проверяя птичьи гнезда. Обработывал бы землю, собирал мед и выделывал шкуры.

– Батюшка, оставайся дома, если не хочешь идти. Я же вижу.

– Разве можно девку с парнем-то одних отправлять? Надобно тебе компаньонку найти, как здесь принято.

– Ты же понимаешь, мы всего лишь друзья.

– Понимаю, – вздох в отросшую бороду, – а что люди скажут?

Так в моей жизни появилась еще не старая, но угрюмая молчаливая женщина по имени Рейна, и я позавидовала простолюдинкам, которые могли ходить куда хотят и с кем хотят, не спрашивая дозволения и не оглядываясь на мнение остальных. Совсем недавно я сама была такой, а теперь мы с отцом обласканы милостью государя. Пожалуй, я тоже предпочту переехать в поместье, когда придет срок, а столицу можно навещать время от времени.

Немалую роль в этом играли и смущающие послания дофина – на первый взгляд, не содержащие ничего предосудительного, но каждое слово словно имело двойное дно.

А Ленсар, наоборот, напрочь забыл обо мне, вот только... Во сне я все отчетливее видела его трон, залитый кровью, безумные стеклянные глаза и усмешку. Сегодня ночью я даже проснулась в холодном поту, потому что на его коленях, укрытых дорогой мантией, сидела девушка... очень похожая на меня. Он пил ее кровь, а потом обвел взглядом пиршественный зал. Вместо блюд на столах в разных провокационных позах сидели или лежали девушки, а у усмехающихся гостей под верхней губой блестели клыки.

Много, целый зал таких же, как он... обращенных. Грянул нестройный хор голосов:

– Слава великому князю Ленсару!

– Ленсар! Ленсар! Ленсар!!!

Возгласы заставляли воздух вибрировать вместе со стуком тяжелых кубков о стол. Казалось, что сотрясались пол и стены, лица сливались в мутную полосу.

Экзальтированная толпа обожала своего правителя, возносила наравне с богами.

Не императора, князя. Есть ли надежда, что он не свергнет отца с братом, а будет править где-то в других землях с другими порядками? Или установит их сам? Нет, какая разница, все равно это будущее слишком ужасно, каким и где бы оно ни было.

И неужели нет способа снять проклятие? Я пока так и не научилась сколько—нибудь контролировать свою силу. Наоборот, закрылась от нее – понимая умом, что банальный страх ее заблокировал, но во сне она прорывалась и показывала Его. Ужасающего далекого и до боли близкого. До чего же тяжело.

Но один из последующих снов, казалось, воплотил желание быть ближе – вот только как! Стыдно вспомнить... и стыдно, и сладко до головокружения. Что бы сказал сам Ленс, если бы узнал? Нет, ничего он не скажет, он и вовсе пропал из моей жизни. Хотела призвать силу,

чтобы задать конкретный вопрос – появится ли в ней снова проклятый принц, но ответом был холод пустоты.

Что же происходит с моим даром? Не думала, что начну по нему скучать, но если Лейра права, и это дар Верховной, то я так или иначе несу ответственность перед империей. Вдруг без меня она падет под натиском фаргонских пушек? Или от экзотических ядов Ридгии? Или лунные эльфы Гринустайра пойдут в атаку, как сто лет назад, несмотря на слухи о крепкой дружбе императора с лунным погонщиком. Готова ли я принять ответственность, на минуточку, за всю империю и ее жителей от мала до велика? Порой, в моменты особо острой жалости к себе, мысли жалили роем безжалостных ос, и от них не было спасения. Но, с другой стороны, я приводила контраргумент – сны не могли этого подтвердить. В них с пугающим постоянством (приносящим временное облегчение) появлялся только Ленсар. Я и сама уже чувствовала себя проклятой. Сполна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.